

Тартуский университет
Факультет гуманитарных наук и искусств
Колледж иностранных языков и культур
Отделение славистики

ПРОЗА ПОЗДНЕГО ТУРГЕНЕВА В ПЕРЕВОДАХ ВИРВЕ КРИММ

Turgenevi hilisem proosa Virve Krimmi tõlgetes

Бакалаврская работа
студентки отделения
славянской филологии
Анастасии Ермолаевой

Научный руководитель –
доцент Л.Л. Пильд

Тарту 2020

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Переводы Тургенева на эстонский язык.....	8
1.1. Тургенев на эстонском языке в 1880-1960-е годы.....	8
1.2. Переводы Вирве Кримм	15
Глава 2. «Стихотворения в прозе» Тургенева в переводе В. Кримм	18
2.1. Воробей	18
2.2. Щи	22
2.3. Сфинкс	27
2.4. Русский язык.....	32
2.5. Выводы.....	34
Глава 3. Повесть Тургенева «Несчастливая» в переводе В. Кримм	36
3.1. Концептуальный замысел повести и ее персонажи.....	36
3.2. Особенности перевода речевой манеры героев повести «Несчастливая»	44
3.2.1. Перевод нарушений литературной нормы русского языка и речевых ошибок	44
3.2.2. Перевод архаизмов	47
3.2.3. Разговорная и просторечная лексика в переводе	50
3.2.4. Перевод иноязычных вкраплений.....	60
3.2.5. Перевод устойчивых словосочетаний.....	63
3.2.6. Цитаты из стихотворений П. А. Вяземского в переводе.....	78
3.3. Выводы.....	79
Заключение	81
Список использованной литературы.....	83
Kokkuvõte	86
Authori kinnitus.....	88
Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks.....	89

Введение

Творчество И.С. Тургенева является неотъемлемой и важной частью русской культуры. Его произведения не только изучаются в рамках школьной программы, но вызывают интерес у обычного читателя, поскольку продолжают появляться новые издания тургеневской прозы, на сценах театров ставятся спектакли по его пьесам, экранизируются сочинения писателя. Публикуются и новые переводы произведений Тургенева, позволяющие иностранным читателям ближе познакомиться с мастером русского слова. Эстонский язык не является исключением – например, в 2014 году были опубликованы новые переводы знаменитых тургеневских «Стихотворений в прозе»¹. Однако немаловажно иметь представление и о более старых переводах, несомненно являющихся примером для новых переводчиков при работе над тургеневскими текстами.

Одним из самых известных и ценимых, как читателями, так и критиками переводчиков русской литературы на эстонский язык в настоящее время продолжает оставаться Вирве Кримм (1938-2017), познакомившая многих эстонских читателей с творчеством Тургенева. Благодаря ей увидели свет переводы романа «Дворянское гнездо», а также ряд избранных рассказов, повестей и стихотворений в прозе. Автора этой работы интересуют переводы Кримм, поскольку их высокое качество неоднократно отмечалось, в основном, критиками, журналистами и эстонскими переводчиками. В научной литературе тургеневские переводы Кримм до сих пор почти не изучались. Отметим, что в печати находится статья Л. Пильд „Jutustajateksti muutlikkus Dostojevski romaani „Vennad Karamazovid“ eestikeelsetes tõlgetes“ / «Нестабильный рассказчик в эстонских переводах романа Достоевского «Братья Карамазовы»» [Pild], в которой анализируется передача речи провинциального рассказчика на эстонский язык. Автор статьи, в частности, заключает, что для Кримм одновременно важны как план содержания исходного текста, так и его интонационно-ритмический уровень. Однако переводчица ориентируется главным образом на план выражения перевода². Иными словами, целью или доминантой перевода для Кримм становятся лексико-

¹ См. издание стихотворений в прозе Тургенева в переводе А. Пайкре „Senilia. Proosaluulet.“ (2014).

² Описание виртуальной модели типов перевода см.: [Toor: 357-358].

семантический уровень романа Достоевского и стилистическая фактура целевого текста. Переводы Кримм направлены в большей степени на эстонского читателя, чем на оригинальный текст.

<...> Krimm orienteerub samaaegselt algteksti sisuplaanile, s.t. leksikaal-semantilisele täpsusele, ja kohati ka originaali väljendusplaani rütmilis-intonatsioonilise tasandi taasloomisele. <...> Nagu püüdsime näidata, sõltub originaali väljendusplaani teiste tasandite tõlkimise täpsus tema jaoks tõlgitavate elementide tähenduse olulisusest romaani struktuuris. <...> Võttes seega põhisuuna sihtteksti väljendusplaanile, jätkab Krimm paljuski oma isiklikku venekirjandusklassika tõlketraditsioon 20. sajandi teisest poolest [Pild].

Возможность и естественность такой стратегии перевода подкрепляется и теоретическими исследованиями. Например, известный теоретик перевода Иржи Левый писал:

Отношение между оригиналом и переводом – это отношение между произведением и его и с п о л н е - н и е м в д р у г о м м а т е р и а л е, при этом константой является осуществление в другом материале не единства содержания и формы оригинала, а к о н к р е т и з а ц и я этого единства в с о з н а н и и в о с п р и н и м а ю щ е г о, т.е., проще говоря, итогового впечатления, воздействия на читателя [Левый 1974: 129].

Главной целью нашей бакалаврской работы является изучение некоторых эстонских переводов из поздней прозы Тургенева. Предметом рассмотрения и переводоведческого анализа являются четыре тургеневских стихотворения в прозе – «Воробей», «Щи», «Сфинкс» и «Русский язык», а также повесть И.С. Тургенева «Несчастливая» (1869).

Известный тургеновед С.Е. Шаталов в своей монографии «Проблемы поэтики И.С. Тургенева», рассматривая структуру повествования тургеновской прозы, отмечает особые трудности при анализе речи и взглядов рассказчика и повествователя, поскольку они обычно приближены к самому Тургеневу:

Повествование от лица различных рассказчиков и повествователей преобладает в рассказах, очерках и повестях Тургенева. Это всегда представляло и представляет большое затруднение при анализе их идейно-образного содержания. Авторское оформление образов посредников нередко оказывается настолько минимальным и нейтральным, что их идейные выводы кажутся слившимися с авторскими взглядами, а самые их образы воспринимаются как едва ли не простые маски писателя [Шаталов 1969: 63].

Безусловно степень близости рассказчиков писателю не только на уровне мировосприятия, но и на уровне стиля, может разниться, однако Шаталов отмечает, что повествователь Тургенева чаще всего является человеком образованным и воспитанным в интеллигентной среде:

Повествователь даже при отчетливо очерченном рассказчике оказывается необходимейшим посредником в поэтике Тургенева. Степень близости его к Тургеневу оказывается различной, не всегда можно говорить о нем как о замещении автора в образной системе произведения, но всегда он представитель той интеллигентной среды, которая интересуется вопросами общественной жизни и к которой принадлежит сам Тургенев; сама среда эта неоднородна, противоречива – и столь же противоречивой в большинстве случаев оказывается точка зрения представляющего ее повествователя [Шаталов 1969: 81].

В связи с этим мы выбрали рассказчика как одного из героев, чьи речевые характеристики и передача их особенностей на эстонский язык будут рассмотрены в противопоставлении и сопоставлении с речью героев со специфическими речевыми характеристиками. К таким персонажам относятся в повести Иван Демьянович Ратч, не владеющий русской литературной речью, и главная героиня Сусанна, часто прибегающая к галлицизмам.

Одной из главных целей дипломной работы является описание способов перевода речевых особенностей Сусанны, рассказчика и Ивана Демьяныча Ратча. Нас будет интересовать перевод разговорного и просторечного стиля, устаревших слов, фразеологических единиц, иноязычных вкраплений.

Основными задачами этого бакалаврского сочинения являются:

1. изучение тургеневедческой литературы и истории перевода художественных произведений И. С. Тургенева на эстонский язык;
2. изучение жизненного и творческого пути переводчицы В. Кримм;
3. сопоставительный анализ стихотворений в прозе «Воробей», «Щи», «Сфинкс» и «Русский язык» и их перевода на эстонский язык;
4. изучение стилистического своеобразия речи Сусанны, рассказчика и Ратча в повести «Несчастливая» с последующим сопоставительным анализом их перевода на эстонский язык.

В ходе написания работы была выдвинута следующая гипотеза: в переводе Кримм особенности речевой манеры героев передаются не полностью, но при этом переводчице удастся достаточно хорошо раскрыть характеры персонажей для эстонского читателя.

Основным источником сведений об истории перевода тургеневских произведений в Эстонии является статья Вальмара Адамса „Turgenev eesti keeles“ [Looming 1957: 925-929], а в качестве основного материала о жизни и творчестве В. Кримм будет рассмотрена статья Пярта Лиаса из биографического словаря „Eesti kirjanike leksikon“ [Eesti kirjanike leksikon: 225], посвященная переводчице. Анализируя оригинал в сопоставлении с переводом, мы будем опираться на работу С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе» [Влахов, Флорин 1980], на монографии И. Левого «Искусство перевода» [Левый 1974] и А. Ланге „Tõlkimine omas ajas“ [Lange], а также на статью П. Торопа „Tõkeloo koostamise printsiibid“ [Torop]. При анализе повествовательной структуры стихотворений в прозе Тургенева мы обратимся к книге Б.А. Успенского «Поэтика композиции» [Успенский 1995].

Материалом для проведения анализа являются восьмой и десятый тома «Полного собрания сочинений и писем» И. С. Тургенева в тридцати томах [Тургенев 1981; 1982] и сборник избранных произведений И. С. Тургенева на эстонском языке в переводе В. Кримм „Jutustusi. Proosaluulet“ [Turgenev].

Бакалаврская работа состоит из введения, основной части и заключения. Во введении раскрывается объект, предмет, цели, задачи и методы исследования, рассматривается актуальность и степень рассмотрения темы. Основная часть делится на три главы: в первой главе «Переводы Тургенева на эстонский язык» в первом параграфе характеризуются история перевода произведений Тургенева на эстонский язык в XIX и первой половине XX века, а во втором параграфе кратко описываются биография и переводческая деятельность В. Кримм. Во второй главе ««Стихотворения в прозе» Тургенева в переводе В. Кримм» анализируются выбранные нами тексты стихотворений и их эстонский перевод, выполненный Кримм: в первом параграфе представлен анализ стихотворения «Воробей», во втором – «Щи», в третьем – «Сфинкс», в четвертом – «Русский язык», в пятом параграфе описываются сделанные

в процессе анализа выводы. В первом параграфе третьей главы «Повесть Тургенева «Несчастливая» в переводе В. Кримм» описывается концептуальный замысел рассматриваемой повести и ее персонажи, а в последующих параграфах анализируются такие особенности речевой манеры героев повести «Несчастливая» как нарушения литературной нормы русского языка и речевые ошибки, употребление архаизмов, использование разговорной и просторечной лексики, иноязычные вкрапления и присутствие в речи фразеологических единиц, а также способы передачи этих стилизованных особенностей на эстонский язык. В заключении подводятся итоги проделанной работы.

Глава 1. Переводы Тургенева на эстонский язык

В этой главе мы кратко охарактеризуем историю перевода художественных произведений И. С. Тургенева на эстонский язык. В первом параграфе в качестве основного источника будет использована статья Вальмара Адамса „Turgenev eesti keeles“, опубликованная в 1957 году в шестом номере журнала „Looming“ / «Лооминг». Во втором параграфе главы мы кратко опишем биографию и творческий путь переводчицы Вирве Кримм.

1.1. Тургенев на эстонском языке в 1880-1960-е годы

В статье „Turgenev eesti keeles“ / «Тургенев на эстонском языке» Вальмар Адамс кратко освещает историю переводов творчества И. С. Тургенева на эстонский язык. Обратим внимание, что работа была написана и опубликована в 1957 году (в преддверии юбилейной даты – 140-летия со дня рождения Тургенева), когда, по словам самого Адамса, исследователи по всему миру стали уделять тургеновским произведениям все больше и больше внимания:

On ilmunud ja ettevalmistamisel rida silmapaistvaid uurimusi selle maailmakirjandusse kuuluva sõnameistri kirjandusliku pärandi levimise kohta maailmas ja selle omandamise kohta teiste rahvaste kirjanduste poolt [Looming 1957: 925].

История переводов Тургенева на эстонский язык берет свое начало еще при жизни писателя, в 1879 году, когда в газете „Eesti Postimees“ началась публикация рассказа «Муму». К публикации были приложены лаконичные сведения об авторе и заметка от редакции, где Тургенева называли самым известным русским писателем того времени [Looming 1957: 925]. Адамс отмечает, что творчеством Тургенева в то время интересовалась вся Европа – начиная с Германии, Франции, Англии и Дании, где с его произведениями читатели познакомились уже в пятидесятые годы, а в семидесятые, по словам автора статьи, Тургенев находился на самой вершине славы. Примерно в одно время с эстонскими переводами, появились и переводы Тургенева на латышский язык [Looming 1957: 925].

Первым тургеневским произведением, вышедшим на эстонском языке в неперIODическом издании, был рассказ «Бежин луг» в переводе Ф.В. Эдерберга в 1880 году. Совместно с М.Й. Эйзенем Эдерберг составил небольшую книгу, выпущенную за счет владельца тартуской типографии Шнакенбурга. Как считает Адамс, эта книга со временем приобрела у публики успех, поскольку в 1885 году вышло ее второе издание, а за год до этого Эдерберг опубликовал новый перевод тургеневского «Бежина луга», в котором личные имена тургеневского оригинала были заменены на эстонские [Looming 1957: 925].

В целом, при жизни самого Тургенева на эстонском языке были выпущены три произведения: «Бежин луг» и «Постоялый двор» в переводе Ф. Эдерберга в 1880 и 1882 годах, а также «Пунин и Бабурин» в переводе Й. Линнамяэ, опубликованный в 1881 году. Помимо рассказов, в печати появлялись также небольшие фрагменты из тургеневских произведений [Looming 1957: 928]. Как отмечает С.Г. Исаков в своей статье «Поэтический дар, восхитивший мир», посвященной 150-летию со дня рождения Тургенева, после этих публикаций количество переводов произведений Тургенева на эстонский язык резко возросло, и к концу XIX века их насчитывалось уже 80. Однако Исаков также подчеркивает, что массового читателя того времени еще не интересовали тургеневские романы – основной интерес представляли рассказы из цикла «Записки охотника», поскольку они были ближе и понятнее эстонскому читателю своим описанием крестьянской жизни [Советская Эстония 1968: 2].

По мнению Адамса, ранние переводы Тургенева были достаточно низкого качества, поскольку ни общее знание русского языка, ни степень развития эстонского литературного языка не позволяли переводить сочинения «великого мастера слова» на должном уровне [Looming 1957: 928].

Автор статьи обращает внимание и на общий уровень периодических изданий в Эстонии во второй половине XIX века. Наиболее часто в газетах печатались приключенческие и развлекательные истории и анекдоты. В. Адамс подчеркивает, что литературные произведения авторов неэстонского происхождения в печать обычно попадали в виде упрощенных пересказов, а имена писателей и вовсе, в большинстве случаев, не упоминались. Для всех переводов того времени характерна замена имен на

более привычные для эстонского читателя [Looming 1957: 926], а Исаков также уточняет в своей статье, что действие нередко переносилось в Эстонию, с целью приблизить произведение к эстонскому читателю. Он также отмечает, что основной задачей переводчиков того времени была передача сюжета и действия произведения, а не воссоздание стиля исходного текста [Советская Эстония 1968: 2].

По мысли Адамса, массовый читатель в тот период, скорее всего, не был знаком с классиками и историей литературы в целом. Следовательно, вероятнее всего, отсутствовало понимание глубины тургеневских произведений, и ранние публикации зачастую привлекали внимание критиков, характеризовавших тургеневские рассказы как «бессмысленные» и не заслуживающие внимания:

Näiteks „Pärnu Postimehes“ (1881, nr. 12) öeldakse „Bežini aasa“ ilmumise puhul: „Sellel otsata kehval jutukesel ei ole mingisugust sisu ega põhjusemõtet“ [Looming 1957: 926].

Начиная со второй половины восьмидесятых годов ситуация в газетах начала меняться – все чаще стали называть авторов оригинальных произведений, стали появляться сведения об известных писателях (ср.: „hakkavad tõlgitavasse autorisse suurema pieteediga suhtuma“ [Looming 1957: 926]). Требования к переводам также изменились и общий уровень их качества заметно вырос, о чем свидетельствуют переиздания исправленных версий переводов [Looming 1957: 926] (ср.: „Populaarsemate autorite puhul hakatakse tähelepanu osutama ka tõlgete kvaliteedile, avaldatakse samade teoste parandatud tõlkeid“).

Как отмечает Адамс, эстонская интеллигенция творчество Тургенева знала и ценила [Looming 1957: 927]. В газетах того времени можно найти сообщения о здоровье писателя, его поездках, а затем – о смерти и похоронах, которые посетили делегаты из Тартуского университета и Общества писателей Эстонии:

Kirjaniku surm (28. VIII 1883) ja suurejoonelised matused leidsid kajastust ka Eestis. Matusele läkitati delegaate Tartu ülikooli ja Eesti Kirjameeste Seltsi poolt [Looming 1957: 926].

Отношение к тургеневскому творчеству в целом было двойственным: некоторые обвиняли его в «воспитании нигилистов», а среди «прогрессивной интеллигенции» во главе с Михкелем Веске Тургенев, наряду с Пушкиным, Лермонтовым и другими

русскими классиками, считались важными фигурами в процессе взаимного сближения русской и эстонской культур [Looming 1957: 926].

В первых номерах журнала „Oma maa“ в 1884 году были изданы два рассказа из цикла «Записки охотника» в переводе Й. Йыгевера [Looming 1957: 926]. Оба рассказа были напечатаны с подзаголовком „Pildike vene rahva elust“ («Картина из жизни русского народа»). В названном журнале Тургенева считали автором, показавшим в своих произведениях притеснения крепостных крестьян:

Oli nüüd Turgenev „Küti kirjades“ näidanud, kuidas pärisorjus talurahvast rõhus ja piinas, siis pidi tema ka näitama, kuidas ka rüütlike tõsine elujõud ikka enam ja enam vähenes [Looming 1957: 927].

Наряду с газетой „Oma maa“ творчество И.С. Тургенева пропагандировалось также в одном из наиболее читаемых изданий того периода – газете „Olevik“. Именно в „Olevik“ в 1889 году Тургенева называли «народным писателем» в связи тем, что жизнь простого народа была им глубоко описана и тонко прочувствована [Looming 1957: 927].

Очень высоко оценивал Тургенева и писатель Андрес Сааль, который впоследствии стал одним из наиболее известных переводчиков «Стихотворений в прозе» конца XIX и первой половины XX веков. Сааль писал, что имя Тургенева «сияет яркой звездой» среди остальных, к сожалению, пока немногих русских имен, известных эстонскому читателю [Looming 1957: 927].

Как отмечает С.Г. Исаков, знаменитый эстонский поэт и прозаик Юхан Лийв в своей рецензии на перевод Сааля тургеновских стихотворений в прозе в 1891 году также отмечал важность произведений писателя для эстонской культуры:

Тургенева уже нельзя назвать неизвестным эстонскому народу писателем. Из его произведений на эстонский язык переведено, вероятно, больше и о нем самом писали больше, чем о любом другом русском литераторе. Тургенев, чей изумительно живой поэтический дар, чьи глубокие описания душевной жизни и характеров восхитили весь цивилизованный мир, был таким явлением в писательской среде, рядом с которым – именно благодаря его чудесному умению описывать тончайшие оттенки душевной, сердечной жизни человека – не знаешь, кого и поставить» [Цит. по: Советская Эстония 1968: 2].

По мнению Адамса, большой успех в Эстонии имели тургеневские «Стихотворения в прозе». В нескольких выпусках журнала „Meelejahutaja“ публиковались не слишком удачные переводы Адо Каротамма, после которых стало появляться все больше и больше эстонских версий «Стихотворений в прозе». В. Адамс отмечает, что наиболее часто переводились на эстонский язык стихотворения «Разговор» и «Воробей» (1889, 1901, 1904 и далее) [Looming 1957: 927].

Переводы «Стихотворений в прозе» Андреса Сааля отличаются от других эстонских переводов. Свои переводы А. Сааль адаптировал под эстонского читателя, заменяя все неизвестные слова и понятия на более привычные и знакомые. Так, например, в стихотворении «Разговор» вместо названий горных вершин Юнгфрау и Финстерааргорн переводчик использовал в своем варианте Эльбрус и Казбек, опуская также анахроничный тургеневский эпиграф, в котором говорилось о том, что человеческая нога еще не ступала на эти вершины. По той же причине у некоторых стихотворений были заменены названия. Например, заглавие стихотворения «Нимфы» Сааль перевел как „Jumalikud neiid“, стихотворение «Монах» получило заглавие „Mure“, «Памяти Ю. П. В.» – „Neiu J. W. mälestuseks“, а «Лазурное царство» – „Õnne riik“ [Looming 1957: 927]. К некоторым стихотворениям, где неизвестные для массового читателя того времени слова необходимы для полной передачи смысла, А. Сааль написал примечания для их объяснения. В качестве яркого примера Адамс приводит стихотворение «Сфинкс», где переводчик отдельно прокомментировал семантику заглавия тургеневского произведения и привел краткие сведения об Эдипе. Однако и перевод Андреса Сааля вскоре устарел в связи с ускорившимся темпом развития эстонского литературного языка. В целом, из пятидесяти стихотворений сборника „Senilia“ А. Сааль исключил пять, опасаясь цензуры. «Молитва» и «Христос» не попали в издание из-за нежелания переводчика вызвать негодование верующих; «Повесить его!» и «Щи» – из-за образов главнокомандующего и помещицы, „Necessitas, vis, libertas“ – из-за идеи восхваления свободы.

Адамс обращает внимание и на то, что популярностью у переводчиков пользовалось также другое произведение позднего Тургенева – «Песнь торжествующей любви» [Looming 1957: 928]. Впервые на эстонском языке эта повесть, переведенная В. Киви,

вышла отдельным изданием в Курессааре в 1885 году. Более новые переводы были изданы в 1901, 1906, 1924 и 1947 годах. В. Адамс отмечает, что по текстам переводов «Песни торжествующей любви» можно проследить развитие эстонского литературного языка. Например, перевод Й. Нийнасе, опубликованный в 1901 году, был гораздо точнее перевода В. Киви; в переводе Э. Й. Ыунапуу текст стал звучать естественнее. Перевод К. Кеса 1924 года является примером процесса обновления языка, поскольку в тексте встречается много новых форм, предложенных реформатором эстонского языка Й. Аавиком [Looming 1957: 928]. Перевод М. Силлаотс, выполненный в советские годы и вошедший в сборник „Valitud jutustused“, более современный: „Alles nõukogude ajal (1947) „Valitud jutustused“ antud tõlge on meieaegne“ [Looming 1957: 928].

Как отмечает В. Адамс, выбор произведений, переводимых в то время, нередко зависел от общей политической ситуации в стране. Общественное мнение в Эстонии формировалось с одной стороны под влиянием прибалтийских немцев, и с другой – под влиянием сторонников царской политики русификации. Как полагает Адамс, все народные и культурные начинания «передовой эстонской интеллигенции» пресекались, а журналистика пребывала в пассивном состоянии [Looming 1957: 928].

Вальмар Адамс также обращает внимание на сильное отставание Эстонии в области переводов тургеневского творчества от других европейских стран:

“Küti kirjadest“ on meil kogu revolutsioonieelsel ajajärgul tõlgitud ainult neli jutustust. „Küti kirjad“ ilmusid meil täielikult alles 1950. aastal, ligi 100 aastat hiljem kui Saksas ja Prantsusmaal [Looming 1957: 928].

На рубеже двух столетий из «Записок охотника» было переведено только четыре рассказа – «Бежин луг» (1880), «Хорь и Калиныч» (1884), «Ермолай и мельничиха» (1884), «Бирюк» (1886) – и два небольших фрагмента из рассказов «Однодворец Овсянников» (1880) и «Два помещика» (1911). Целиком цикл «Записки охотника» в Эстонии вышел намного позднее, чем в Германии и Франции, и на тринадцать лет позже соседней Латвии [Looming 1957: 928].

Современный исследователь истории эстонского перевода Анне Ланге считает несовершенные переводы конца XIX века «переделками» или «переложениями», но оценивает их также с иной, отличающейся от описания Адамса, теоретической точки

зрения. Авторы переводов ориентировались в это время на передачу плана содержания переводимого текста, а план выражения оказался для эстонских переводчиков художественной прозы значимым только в 1930-е гг.:

„Aastal 1895 annab süsteemi embrüonaalsest olekust tunnistust nii järjekindlusetus algupärandi ja tõlke eristamisel kui ka välja kujunemata kontseptuaalne sõnavara. Tõlge tehti kellegi „järele“ või oli „ümber pandud“. Nagu sõnavaragi vihjab, ei olnud tollal tõkeliste tekstide eesmärgiks vahendada originaali stiili, sageli anti edasi „lugu“, mis lugejale mõjuks ja lisatulu teeniks“ [Lange: 21];

ср. также:

„19. sajandi lõpule oli iseloomulik transponeeriv, sisuplaani ülekandev vaba tõlge [. . .] 20. sajandi kolmekümnendatele aastatele rekodeeriv, originaali väljendusplaani markeeriv ja mikrostilistilist täpsust taotlev tõlge“ [Lange: 179].

Тургеневские романы на эстонский язык начали переводить только в начале XX века. Первым был издан роман «Дворянское гнездо» в 1900 году в переводе Э.Й. Ыунапуу, через год вышла эстонская версия романа «Отцы и дети», а в 1904 году – повесть «Вешние воды». С возникновением эстонского модернизма меняется и язык перевода, который начинает обновляться, в частности, за счет текста-источника:

20. sajandi esimesel poolel teenis tõlkimine sageli eesti kultuuri moderniseerimise ja „peenendamise“ eesmärgi ning tõlkimisega loodi „kultuurirahvast“. Eesti keel kandis tõlkes ositi keeleuuenduslikku, lähtekeele semantikast üle kantud tähendust [Lange: 12]

Другие произведения И.С. Тургенева начали переводить уже после Первой русской революции, а затем – в советский период: в 1915 году была переведена Йоханнесом Аавиком повесть «Призраки», а в 1939 году – роман «Рудин» Виктором Вескимяэ. В 1947 году вышел сборник «Избранных рассказов» Тургенева, в который помимо ранее переведенных текстов вошли такие повести, как «Ася», «Три встречи», «Затишье», «Степной король Лир» и «Три портрета» [Looming 1957: 929]. В 1954 году в Эстонии впервые был издан роман «Накануне» в переводе Юри Пийка.

На момент написания статьи в 1957 году, Вальмар Адамс подчеркивает необходимость переводов на эстонский язык в первую очередь таких романов, как «Новь» и «Дым». По мнению Адамса, нужны также новые переводы на современный эстонский язык «Стихотворений в прозе» и переводы других основных тургеневских повестей и

рассказов. С сожалением автор статьи отмечает отсутствие переводов драматических произведений и нехватку полного собрания сочинений писателя [Looming 1957: 929].

К сожалению, собрание сочинений Тургенева на эстонском языке до сих пор не издано, хотя во второй половине XX и в первые два десятилетия XXI века к произведениям Тургенева обращались многие переводчики (В. Линаск, М. Силлаотс, Х. Луйк, А. Пайкре и др.). Некоторые из них, как, например, Марта Силлаотс, начали переводить Тургенева еще в 1930-е гг. В настоящей работе мы будем говорить только о переводах В. Кримм.

1.2. Переводы Вирве Кримм

Прежде, чем дать краткий обзор переводов Кримм из русской литературы, остановимся на ее биографии. В процессе написания этой части главы мы опираемся на статью известного эстонского журналиста Калле Муули „Sirge seljaga naine“, приуроченную к 50-летию со дня рождения переводчицы и опубликованную в газете „Sirp ja vasar“; на статью, посвященную Кримм, в биографическом словаре „Eesti kirjanike leksikon“, а также на некролог, помещенный в журнале „Looming“ в 2017 году.

Известная переводчица и литературный критик Вирве Кримм родилась 14 января 1938 года в волости Лехтсе Ярвамаа в семье хуторян. Свое школьное образование Кримм получала в четырех разных учебных заведениях. С 1945 по 1948 год она посещала начальную школу Ляпи (Läpi algkool), затем в течение четырех лет училась в школе Лехтсе и год в Вильяндиской первой средней школе. Кримм закончила свое обучение в 1956 году в средней школе Кехра [Eesti kirjanike leksikon: 225]. После окончания школы Вирве Кримм поступила на заочное отделение эстонской филологии в Тартуский Государственный университет, который закончила в 1965 году [Sirp ja Vasar: 8].

В 1962 году будущая переводчица стала преподавать эстонский язык и литературу, а также английский язык в Таллиннском профессионально-техническом училище имени В. Клемента, в котором проработала до 1965 года, когда в училище перестали преподавать общеобразовательные предметы. После ухода с должности

преподавателя Кримм какое-то время писала небольшие статьи для периодических изданий, чем обеспечивала свою семью до вступления в новую должность:

Virve Krimm kirjutas enda ja oma kahe lapse toitmiseks arvustusi, sekka ka muud ajakirjanduslikku pudi-padi, kuid kaua sellistest juhuotstest ära ei ela [Sirp ja Vasar: 8].

Свою переводческую карьеру Кримм начала в 1965 году, получив место переводчика постановлений Совета Министров ЭССР. Эту должность она занимала до 1973 года, когда получила статус независимого переводчика, чтобы профессионально заниматься литературными переводами. Как отмечает автор статьи о Кримм, работа с партийными документами дала Вирве Кримм необходимый опыт перевода с русского на эстонский язык, который в дальнейшем ей во многом помог при переводе художественных произведений.

Töö kõrges riigiasutuses kujundas Virve Krimmi sallimatuks ebaõigluse ja rumaluse vastu ning andis sedavõrd kogemusi, et mitmeleheküljelisest proovitõlkest, mille ta „Eesti raamatule“ tegi (tolle aja kombe kohaselt otse kirjastuses), leidis toimetaja vaid ühe parandamist vajava koha [Sirp ja Vasar: 8].

Первым художественным произведением, переведенным Кримм на эстонский язык, стал сатирический роман китайского автора Лао Шэ «Записки о кошачьем городе», осуществленный с русского языка и опубликованный в 1972 году. В 1992 году Кримм стала членом Союза переводчиков Эстонии [Eesti kirjanike leksikon: 225].

Большую известность Вирве Кримм принесла ее работа над редактированием эстонского текста романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (1985), который фактически стал новым переводом:

Seniseks suurimaks tööks on olnud Lev Tolstoi „Sõja ja rahu“ tõlke redigeerimine (1985), mis sisuliselt tähendas uut tõlget [Sirp ja Vasar: 8].

Благодаря Кримм, на эстонский язык были переведены и такие произведения русской классической литературы, как роман И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» (1983), романы Ф.М. Достоевского «Бесы» (1997) и «Братья Карамазовы» (2016-2017) [Looming 2017: 622]. Колоссальная работа Вирве Кримм над переводом последнего романа Ф.М. Достоевского заслуживает отдельного внимания, поскольку Кримм отказывается от дословного и буквального переложения с русского на эстонский, характерного для первого переводчика «Братьев Карамазовых» - Айты Курфельдт, в

пользу естественного и точного языка, который способен приблизить эстонского читателя к более совершенному пониманию текста Достоевского [Postimees 2015].

Авторы некролога Кримм высоко оценивает этот перевод:

Vendade Karamazovite” uus tõlge on mingis mõttes verstaapost vene keelest eesti keelde tõlkimise ajaloos. Loeme seda ja mõtleme mitte ainult Dostojevski filosoofiale, vaid ka Virve Krimmi valitud sõnadele, millega ta on seda edasi andnud [Looming 2017: 622].

Следует также отметить, что список переводов, выполненных Кримм, включает в себя сочинения Н.С. Евдокимова, Л.Н. Андреева, Ю.С. Рытхэу, Н.Г. Помяловского, Ф.А. Искандера, О.М. Куваева, В.Г. Распутина, А.П. Платонова, В.П. Астафьева, В.С. Гроссмана и других [Eesti kirjanike leksikon: 225].

Необходимо подчеркнуть, что переводы с английского языка также играли важную роль в жизни и творчестве Вирве Кримм. За свою переводческую карьеру Кримм перевела произведения Г. Грина, Д. Дюморье, Д. Тrollop, Р. Пилчер, У. Бойда, А. Мердок и других [Looming 2017: 622].

В каталоге ESTER можно найти свыше 80 наименований различных переводов художественных произведений и их переизданий, переведенных Кримм с русского и английского языков [Looming 2017: 621].

Любовь к эстонскому языку Кримм выражала не только в своих трудах. Ее главное желание в жизни заключалось в том, чтобы ее внуки могли жить в эстоноязычной среде:

Lõpetuseks oleks paslik ära öelda ka juubilari suurim soov: tahan, et minu lapselapsed võiksid elada eesti keeles! [Sirp ja Vasar: 8].

Глава 2. «Стихотворения в прозе» Тургенева в переводе В. Кримм

В настоящей главе мы рассмотрим тексты стихотворений в прозе Тургенева «Воробей», «Ши», «Сфинкс» и «Русский язык», а также их эстонские переводы, выполненные Вирве Кримм. Выбранные нами для сопоставительного анализа произведения представлены в хронологическом порядке, который был сохранен в книге „Jutustusi. Proosaluulet“ [Turgenev].

2.1. Воробей

Стихотворение в прозе «Воробей» было написано в апреле 1878 года и впервые опубликовано еще при жизни И.С. Тургенева в журнале «Вестник Европы» в 1882 году [Тургенев 1982: 443].

В стихотворении «Воробей» повествователь становится свидетелем любви и жертвенности, которая присуща не только людям, но и птицам. Отличительной чертой этого текста является то, что в качестве главных героев выступают животные и птицы – пёс повествователя Трезор и воробей. Они антропоморфизируются Тургеневым, то есть уподобляются человеку, наделяются свойственными людям эмоциями и чувствами. Например, И.С. Тургенев описывает воробья, используя эпитет «искаженный», хотя наиболее часто это причастие употребляется при описании мимики человека.

Повествователь в стихотворении проникается глубоким уважением к маленькому воробью, благоговеет перед ним. Вся сцена наводит его на мысль о силе любви и воле к жизни в живом мире.

Перейдем теперь к рассмотрению перевода стихотворения «Воробей», выполненного Вирве Кримм и опубликованного в 1980 году.

Обратимся к первому фрагменту текста:

Я возвращался с охоты и шел по аллее сада. Собака бежала *впереди меня* [Тургенев 1982: 142].

Пер.: Tulin jahilt ja sammusin piki pargialleed. Koer jooksis *kaugemal mu eel* [Turgenev: 273].

В первом фрагменте переводчик несколько удаляет собаку от персонажа в пространстве, так как эстонское „kaugemal mu eel“ («далее, поодаль, вдалеке, вдали») не соответствует полностью тургеневскому «впереди меня» (можно назвать такое изменение конкретизацией).

Перейдем к следующему фрагменту:

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуйв перед собою *дичь* [Тургенев 1982: 142].

Пер.: Äkitselt jäid ta sammud lühemaks ning liikus edasi hiilides, otsekui haistaks eespool *lindu* [Turgenev: 273].

Здесь нуждается в пояснении словоформа „*lindu*“ («птицы»), которая конкретизирует использованное в оригинале слово «дичь». Согласно словарю Даля, лексема «дичь» может обозначать и птиц, и всех животных.

В первом предложении третьего фрагмента можно заметить известное обобщение в отличие от текста оригинала («глянул вдоль аллеи» – „*vaatasin alleele*“). Однако, в том же предложении можно усмотреть и конкретизацию при описании окраски перьев воробья – переводчица описывает «желтизну» словосочетанием „*kollane laik*“ («желтое пятно»).

Отметим также, что в эстонском переводе появляется конкретизация во втором предложении фрагмента – „*kükitas liikumatuna maas*“. Вирве Кримм использует глагол „*kükitama*“ в специальном значении «сидеть» („loomade ja lindude istumise kohta” [Eesti keele seletav sõnaraamat]), который относится только к животным и птицам:

Я глянул *вдоль аллеи* и увидел молодого воробья с *желтизной* около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы аллеи) и *сидел* неподвижно, беспомощно растопылив едва прораставшие крылышки [Тургенев 1982: 142].

Пер.: Ma *vaatasin alleele* ja nägin seal noort varblast, ümber noka *kollane laik*, pea udusulil. Ta oli pesast välja kukkunud (tuul kiigutas allee kaski kõva hooga) ja *kükitas* liikumatuna maas, vaevu sulgedest kaetud tiivakesed abitult laiali [Turgenev: 273].

В четвертом фрагменте вновь конкретизирован тургеневский образ – вместо «перед самой ее мордой» в переводе находим „*tema nina ette*“ («перед его носом»).

Особое внимание стоит уделить переводу эпитета «искаженный», которое Кримм попыталась передать наречием „kohevil“ («возбужденно»), что не передает значения «приобретший неестественный, уродливый вид, обезобразившийся под воздействием какого-либо сильного чувства». Также внимания заслуживает использованное В. Кримм „südantlõhestavalt“ («душераздирающе»), которое несколько усиливает экспрессию тургеневского наречия «отчаянно». Заметим, что эстонское деепричастие „säuksudes“ («чирикающая») не соответствует русскому слову «писк», использованному в тексте стихотворения (глагол „säuksuma“ описывает звуки, издаваемые птицами, у Тургенева же воробей пищит):

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал *перед самой ее мордой* — и весь взъерошенный, *искаженный*, с *отчаянным* и жалким *писком* прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти [Тургенев 1982: 142].

Пер.: Mu koer läks talle pikkamisi ligemale, kui järsku nagu kivi kukkus lähema puu otsast alla otse *tema nina ette* vana musta rinnaga varblane ning hüppas, üleni turtis ja *kohevil*, ise *südantlõhestavalt* ja haledasti *säuksudes* kaks korda tema hambuliste lõugade poole [Turgenev: 273].

Обратимся к пятому фрагменту:

Он ринулся спасать, он заслонил собою свое детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, *голосок одичал* и охрип, *он замирал*, он жертвовал собою! [Тургенев 1982: 142].

Пер.: Ta oli sööstnud päästma, ta kaitses oma lapsukest enese kehaga... aga kogu ta pisike keha värises hirmust, *hää oli võõras* ja kähisev, *veri tarretas*, ta tõi ennast ohvriks! [Turgenev: 273].

При попытке перевести тургеневскую метафору «голосок одичал» Кримм пришлось прибегнуть к перефразированию („hää oli võõras“). Для передачи смысла этого словосочетания она использовала эстонское прилагательное „võõras“ („kellelegi teisele kuuluv, teise oma” [Eesti keele seletav sõnaraamat]). Тем не менее, в переводе передан важный для Тургенева смысл: голос воробья оказывается «чужим» (не своим) и «хриплым», как у человека. У Кримм также отсутствует диминутив «голосок», присутствующий в исходном тексте. В эстонском языке диминутивы обладают гораздо меньшей частотностью, поэтому в своих переводах Кримм часто их опускает и заменяет иными словоформами или конструкциями.

Отдельного упоминания заслуживает и то, как В. Кримм перевела «он замирал». Переводчица использовала эстонский фразеологизм „veri tarretas“ («кровь застыла»), имеющий значение „keegi tunneb suurt hirmu, õudu, on väga kohkunud, ehmunud” [Fraseoloogiasõnaraamat], что усиливает и конкретизирует тургеневский образ.

В следующем отрывке стоит отметить глагольную форму „austas“ („austama“ - «уважать, почитать, чтить»), использованный В. Кримм, поскольку она уточняет смысл тургеневского словосочетания «признал эту силу»:

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он *признал эту силу* [Тургенев 1982: 142].

Пер.: Millise hiiglasliku koletisena pidi küll koer temale paistma! Aga ometi polnud ta suutnud jääda istuma oma kõrgele oksale ohust kaugemale... Üks jõud, tugevam kui tema tahe, oli ta sealt alla paisanud.

Mu Tresor seisatas ja taganes... Nagu näha, *austas* ka tema seda jõudu [Turgenev: 273].

В девятом фрагменте, наоборот, нивелируется семантика глагольной формы «удалился» („läksin edasi“):

Я поспешил отозвать смущенного пса — и *удалился*, благоговей [Тургенев 1982: 142].

Пер.: Ruttu kutsusin ma hämmeldunud peni ära ja *läksin edasi*, aukartus südames [Turgenev: 273].

В конце десятого фрагмента И.С. Тургенев использует синтаксическую инверсию («перед любовным ее порывом»), усиливая эффект, производимый на читателя, в то время как в эстонском переводе употребляется обычный порядок слов („tema armastusesööstu ees“), нарушающий особый ритм фрагмента, поскольку инверсия здесь невозможна по языковым причинам:

Да; не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой героической птицей, *перед любовным ее порывом* [Тургенев 1982: 142].

Пер.: Jaa, ärge naerge. Ma tundsin aukartust selle tillukese sangarliku linnu ees, tema armastusesööstu ees [Turgenev: 273].

Во втором предложении заключительного фрагмента В. Кримм заменяет использованное Тургеневым личное местоимение третьего лица («Только ею») существительным „armastus“ („Ainult armastus“). Таким образом слово «любовь»

переводчица использует дважды в одном предложении, эмоционально усиливая тургеневский финал стихотворения в прозе:

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь [Тургенев 1982: 142].

Пер.: Armastus, mõtlesin ma, on tugevam kui surm ja surmahirm. Ainult *armastus*, *armastus* üksi on see, mis elu hoiab ja edasi viib [Turgenev: 273].

2.2. Щи

И.С. Тургенев написал стихотворение «Щи» в мае 1878 года. Впервые оно было опубликовано в двенадцатом номере журнала «Вестник Европы» за 1882 год [Тургенев 1982: 443].

Основная тема стихотворения в прозе «Щи» – социальные различия между двумя мирами – миром бедных крестьян и миром состоятельных помещиков. И.С. Тургенев показывает, что обе героини не могут понять друг друга из-за различий в образе и качестве жизни. Несмотря на то, что обе женщины пережили потерю ребенка, горе не может объединить героинь из-за разницы в социальном положении. Помещица никогда не сможет понять значение соли в жизни обычных крестьян.

Повествователь (автор) в данном стихотворении сочувствует героине-крестьянке. На это указывает особый подбор слов (особенно эмоционально-экспрессивных выражений) и использование ее имени, в то время как имя помещицы в тексте не называется. Крестьянка-вдова, отвечая на вопрос помещицы, говорит, что жизнь ее закончилась со смертью сына, подразумевая, скорее всего, жизнь душевную. Физически она продолжает жить и даже есть, что подчеркивается автором в описании ее осанки, движений, совершаемых по инерции, бессознательно.

Далее рассмотрим эстонский перевод стихотворения «Щи», осуществленный Кримм.

В переводе названия стихотворения в прозе („Leem“) сохраняется краткость, свойственная русскому названию «Щи», которое теоретики перевода относят к русским бытовым реалиям [Влахов, Флорин 1980: 45]. Однако переводчица

использовала прием обобщения, поскольку в переводе с эстонского языка „leem“ означает «похлебка», «бульон», «отвар». Отметим, что данная лексема кажется нам довольно удачной заменой, поскольку описываемые в тексте стихотворения «пустые щи» (щи без мяса) являются важной деталью крестьянского быта, которую передать на эстонский язык одним словом не представляется нам возможным. Чтобы передать реалию, ее следовало бы транскрибировать, что Кримм не представлялось возможным из-за направленности перевода на язык целевого текста³.

В первом предложении стихотворения в прозе стилистически и оценочно противопоставлена точка зрения повествователя точке зрения крестьянки, которая выражается в просторечном словосочетании «первый на селе работник». Кримм во второй части предложения сохраняет просторечную стилистику фрагмента („üle küla töömees“), переданную в исходном тексте словами «первый на селе работник». В качестве отличия можно выделить, что переводчица отдельно обособляет запятыми фразу, обозначающую возраст сына крестьянки:

У бабы-вдовы умер ее единственный двадцатилетний сын, первый на селе работник [Тургенев 1982: 151].

Пер.: Lesknaisel suri ta ainus poeg, kakskümmend aastat vana, üle küla töömees [Turgenev: 276].

Следующий фрагмент можно охарактеризовать как стилистически нейтральный. Однако в эстонском переводе можно выделить использование переводчицей лексемы „eit“, которой в эстонском толковом словаре дается четыре значения: «пожилая женщина», «жена, женщина» с пометами шутливого обращения и просторечия, а также устаревшее значение «мать» [Eesti keele seletav sõnaraamat]. Поскольку в тургеневском тексте нет упоминаний о возрасте героини, а в словаре Даля слово «баба» трактуется как «замужняя женщина низших сословий, особенно после первых лет, когда она была молодкою, молодницею, или вдова», мы можем говорить о наличии просторечного оттенка в переводе Кримм:

Барыня, помещица того самого села, узнав о горе бабы, пошла навестить ее в самый день похорон [Тургенев 1982: 151].

³ О транскрипции реалий см.: [Влахов, Флорин 1980: 34]

Пер.: Möisaproua, selle küla omanik, saanud eide murest kuulda, läks teda matusepäeval vaatama [Turgenev: 276].

В переводе третьего фрагмента сохраняется лаконичность оригинала. Тургенев скорее полагается на внимательность читателя, называя своих персонажей только личным местоимением третьего лица женского рода («она» - «ее»). В переводе на эстонский язык, Вирве Кримм изменила текст (ср. в обратном переводе: «Она нашла бабу дома»). Изменение обусловлено грамматической структурой эстонского языка, где отсутствует категория рода.

Она застала ее дома [Тургенев 1982: 152].

Пер.: Ta leidis eide kodunt [Turgenev: 276].

В четвертом фрагменте-предложении представлена позиция повествователя и скрывающегося за ним автора: героиня-крестьянка описана как бы с пространственной дистанции: «стоя посреди избы», «перед столом». Читатель узнает, что вдова ест «пустые» щи. Такие подробности могут быть известны только всезнающему повествователю или самой вдове, но так как точка зрения крестьянки на стилистическом уровне здесь не репрезентирована, то есть все основания полагать, что в предложении ведется повествование именно с точки зрения повествователя:

Стоя посреди избы, перед столом, она, не спеша, ровным движением правой руки (левая висела плетью) черпала пустые щи со дна закоптелого горшка и глотала ложку за ложкой [Тургенев 1982: 152].

Пер.: Eit seisis keset tuba laua ääres ja tõstis rahulikult, liigutades ühtlaselt paremat kätt (vasak rippus nagu väärt), tahmunud poti põhjast hapukapsaleent ning neelas ühe lusikataie teise järel [Turgenev: 276].

В переводе вышеприведенного фрагмента следует обратить внимание на несоответствие выбранного переводчицей наречия. Здесь Кримм заменила тургеневское «не спеша» синонимом „rahulikult“ (спокойно). Наречие в переводе скорее характеризует внутренний мир, умеренную эмоцию, а не движение руки героини. Тургенев описывает крестьянку замкнутой и скрыто переживающей свое горе. Переводчица опускает также эпитет «пустые», используя только существительное („hapukapsaleent“ дословно можно перевести как «похлёбка из кислой капусты»; „hapukapsa-“, – «из кислой капусты», «из квашеной капусты»). В

данном случае можно заметить прием компенсации, использованный переводчицей („harukapsaleem“ вместо использованного в заглавии собирательного „leem“).

В следующем фрагменте Кримм метонимически конкретизирует образ крестьянки. В толковом словаре эстонского языка первое значение слова „pale“ – põsk («щека»). Таким образом можно сделать вывод, что переводчица использовала его именно в значении «щеки» („palged“), одновременно меняя семантику предложения. В эстонском переводе потемневшее и осунувшееся лицо заменяется конструкцией «впалые и темные/потемневшие щеки».

В переводе также используется определение „aval“, которое в обратном переводе на русский имеет значение «прямой», но первое значение этого эпитета «явный, открытый, откровенный» (эст. „avameelne“), что не соответствует тургеневскому описанию замкнутой в себе крестьянки:

Лицо бабы осунулось и потемнело; глаза покраснели и опухли... но она держалась истово и прямо, как в церкви [Тургенев 1982: 152].

Пер.: Eide palged olid lohkus ja tumedad, silmad punased ja paistes... aga tema olek oli harras ja aval nagu kirikus [Turgenev: 276].

В следующем фрагменте, который в целом переведен очень точно, происходит изменение последней лексемы в восклицательном предложении: существительное «чувства» переводится как «склад души» („hingelaad“):

«Господи! — подумала барыня, — Она может есть в такую минуту... Какие, однако, у них у всех грубые чувства!» [Тургенев 1982: 152].

Пер.: „Issand!“ mõtles proua. „Ta suudab niisugusel silmapilgul süüa... Kui toores on ometi nende kõikide hingelaad!“ [Turgenev: 276].

Далее в тексте можно заметить, как переводчица объединяет два тургеневских абзаца, которые в исходном тексте, будучи разделенными, подчеркивали различия, существующие между двумя героинями и их внутренним, душевным состоянием. Отметим, что второе предложение в переводе на эстонский язык получилось ритмизованным и менее протяженным, чем у Тургенева. Таким образом создается

комичный (видимо, непреднамеренный) эффект, который отсутствует в тургеневском тексте («А баба продолжала хлебать щи»).

И вспомнила тут барыня, как, потеряв несколько лет тому назад девятимесячную дочь, она с горя отказалась нанять прекрасную дачу под Петербургом и прожила целое лето в городе!

А баба продолжала хлебать щи [Тургенев 1982: 152].

Пер.: Ja nüüd meenus prouale, kuidas tema oli mõni aasta tagasi oma leinas, olles kaotanud üheksakuise tütrekese, loobunud toreda suvemaja üürimisest Peterburi lähistel ning elanud terve suve linnas! Eit aga muudkui lürpis leent [Turgenev: 276].

Следующий фрагмент также немного отличается от оригинального тургеневского текста:

Барыня не вытерпела наконец [Тургенев 1982: 152].

Пер.: Viimaks katkes proua kannatus [Turgenev: 276].

В этом предложении, как мы видим, подлежащим является слово «терпение» – акцент с персонажа смещен на внутреннее состояние. Появляется словосочетание «терпение кончилось/лопнуло» („katkes kannatus“), вместо использованного в оригинале глагола «не вытерпела».

В следующем фрагменте следует отметить, что, передавая прямую речь барыни, переводчица изменила интонацию, использовав в конце предложения вопросительный знак вместо восклицательного. В тексте также появляется наречие „ometi“ («всё-таки», «однако», «да», «же»), которого нет в оригинале («Как можешь ты есть эти щи!»). Замена восклицательного предложения вопросительным уменьшает экспрессию, переданную Тургеневым в оригинальном тексте, и снижает силу упрека, которую предложение в себе заключает:

— Татьяна! — промолвила она. — Помилуй! Я удивляюсь! Неужели ты своего сына не любила? Как у тебя не пропал аппетит? Как можешь ты есть эти щи! [Тургенев 1982: 152].

Пер.: „Tatjana!“ sõnas ta. „Armas aeg! Ma imestan! Kas sa oma poega siis tõesti ei armastanud? Kuidas sul veel söögiisu on? Kuidas sa ometi võid seda leent süüa?“ [Turgenev: 276].

В предпоследнем абзаце изменяется предложение, в котором баба говорит о том, что жизнь ее окончена. Здесь следует обратить внимание на словосочетание «с живой с

меня сняли голову». Во фразеологическом словаре русского литературного языка фразеологизму «снимать голову» дается три значения (каждое из них относится к разговорно-просторечной лексике): «строго наказывать кого-либо за что-либо»; «расправляться с кем-либо, убивать кого-либо»; «ставить кого-либо в трудное, безвыходное положение». В тексте стихотворения этот фразеологизм можно истолковать как условную казнь. В переводе Кримм в этой части предложения появляется слово «душа» („hing“) и, следовательно, теряется сема казни, присутствующая в оригинале. Однако фразеологизм „on hing väljas“, тем не менее, передает семантику смерти („keegi on surnud“ [Fraseoloogiasõnaraamat]):

— Вася мой помер, — тихо проговорила баба, и наболевшие слезы снова побежали по ее впалым щекам. — Значит, и мой пришел конец: с живой с меня сняли голову. А щам не пропадать же: ведь они посолённые [Тургенев 1982: 152].

Пер.: „Minu Vasja on surnud,“ vastas eit tasa, ja uuesti hakkasid kibedad pisarad jooksmas üle ta aukus palede. „Eks nüüd ole minugi ots käes – elusast peast on mul hing väljas. Aga ega leem või raisku minna: siin ju sool sees.“ [Turgenev: 276].

В последнем абзаце Кримм изменила последнее предложение (вместо «доставалась» - «была»). В переводе изменился смысловой акцент, сделанный И.С. Тургеневым на местоимении «ей-то»; однако, было использовано другое словосочетание для передачи того, насколько дешевой была соль для помещицы („nii odav asi“):

Барыня только плечами пожала — и пошла вон. Ей-то соль доставалась дешево [Тургенев 1982: 152].

Пер.: Proua kehtas õlgu ja lahkus. Temale oli sool nii odav asi [Turgenev: 276].

2.3. Сфинкс

Стихотворение в прозе И.С. Тургенева «Сфинкс» было написано в декабре 1878 года и впервые опубликовано в 1882 году в 12 номере журнала «Вестник Европы» [Тургенев 1982: 443].

В тексте описывается нередко встречающийся в русской литературе XIX века образ сфинкса – персонажа легенды об Эдипе. Писатель обращается к известной формуле «загадка сфинкса», которая обозначает некую очень трудную для познания задачу,

нечто непонятное и загадочное. Как отмечено в комментариях к интересующему нас стихотворению, в древнегреческой мифологии именно Эдип, образ которого также появляется в тексте стихотворения, разгадал загадку сфинкса [Тургенев 1982: 504].

Для самого Тургенева образ сфинкса был чрезвычайно важен. Впервые писатель сравнил Россию со сфинксом в письме к Полине Виардо в мае 1850 года. Здесь он поясняет смысл своего сопоставления: «Россия подождет – эта огромная и мрачная фигура, неподвижная и загадочная, как сфинкс Эдипа. Она поглотит меня немного позднее. Мне кажется, я вижу ее тяжелый, безжизненный взгляд, устремленный на меня с холодным вниманием, как и подобает каменным глазам. Будь спокоен, сфинкс, я вернусь к тебе, и тогда ты можешь пожрать меня в свое удовольствие, если я не разгадаю твоей загадки! Но оставь меня в покое еще на несколько времени! Я возвращусь к твоим степям!» [Тургенев 1987а: 337].

Позднее, в июле 1864 года, он вновь возвращается к этому образу в письме к Валентине Делессер: «Мои раздумья часто шли в том же направлении, что и ваши – и сфинкс, который всегда будет перед всеми возникать, смотрел на меня своими неподвижными, пустыми глазами, тем более ужасными, что они отнюдь не стремятся внушить вам страх. Мучительно не знать разгадки; еще мучительнее, быть может, признаться себе в том, что ее вообще нет, ибо и самой загадки более не существует» [Тургенев 1989: 194].

В 1869 году было написано стихотворение Ф.И. Тютчева «Природа – сфинкс...», а также стихотворение Я.П. Полонского «Сфинкс», о котором Тургенев писал автору в 1879 году: «Твое стихотворение Сфинкс недурно – но как-то холодновато и отзывается деланностью» [Тургенев 1982: 505].

По словам комментаторов Тургенева, у исследователей существуют предположения о связи тургеневского стихотворения с высказыванием А.И. Герцена о «неразгаданном сфинксе русской жизни». В XXX главе четвертой части «Былого и дум» Герцен писал о двух разных разгадках, предлагаемых для решения этой задачи западниками и славянофилами. В произведении западника Тургенева, как и у Герцена, появляется образ мурмолки, указывающий на вероятность написания последних строк стихотворения под впечатлением от слов Герцена [Тургенев 1982: 505].

Рассмотрим перевод В. Кримм в сопоставлении с исходным текстом.

Отметим, что в первых фрагментах оригинального текста особым подбором труднопроизносимых слов и звукописи (фонетических повторов) Тургенев создает эффект затрудненного чтения, возможно намекая на атмосферу пустыни, сложность передвижения по ней. Давнопрошедшее время характеризуется фонетическим архаизмом «скрыпучий» и составными эпитетами. В эстонском переводе эффект затрудненного чтения пропадает – Кримм лишь частично передает тургеневскую звукопись, но уже другими звуками, в повторах преобладают сонорные согласные. В. Кримм сохранила лишь один составной эпитет: „kollakashall“. В тургеневском тексте часто повторяются сочетания согласных: [ср], [сп], [пс]. Звукопись лишь частично передается в эстонском переводе – повторяются сочетания: [kl], [pl], [lpt]. Эпитет „krigisev“ непосредственно воспроизводит тургеневские звуковые повторы. Вместе с тем, следует отметить лексико-семантическую точность перевода первого фрагмента:

Изжелта-серый, сверху рыхлый, исподнизу твердый, скрыпучий песок... песок без конца, куда ни взглянешь! [Тургенев 1982: 157].

Пер.: Kollakashall, pealtpoolt kohe, altpoolt tihke krigisev liiv... lõputu liiv, kuhu sa iganes vaatad! [Turgenev: 277].

Во втором фрагменте исходного текста наиболее отчетливо выделяются сочетания [пс], [мр], [го]. В эстонском переводе также несколько раз повторяются звуки [pm] и [mr], [k] и [l], как и в предыдущем фрагменте.

И над этой песчаной пустыней, над этим морем мертвого праха высится громадная голова египетского сфинкса [Тургенев 1982: 157].

Пер.: Ja selle liivakõrbe, selle surnud põrnu mere kohal kõrgub Egiptuse sfinksi määratu suur pea [Turgenev: 277].

В третьем фрагменте стихотворения В. Кримм пытается следовать оригинальному тексту и использовать составные эпитеты – „poolunised“, „poolterased“. Однако эпитет «неподвижно-расширенные» переводчица разделяет на два слова – „laiad puhevil“.

Третий фрагмент, как и предыдущие два, на лексическом уровне переведен точно. Отметим лишь, что слово „raksud“ («толстые, полные») не является точным переводом

использованного Тургеневым эпитета «крупные», происходит конкретизация тургеневского определения. Тургеневский подбор лексики ориентирован, с нашей точки зрения, на замедленное чтение данного фрагмента, однако переводчице этот эффект передать не удастся, она использует более короткие слова:

Что хотят сказать эти крупные, выпяченные губы, эти неподвижно-расширенные, вздернутые ноздри — и эти глаза, эти длинные, полусонные, полувнимательные глаза под двойной дугой высоких бровей? [Тургенев 1982: 157].

Пер.: Mida need paksud pruntis huuled, need liikumatud ja laiad puhevil sõõrmed ja need silmad, need piklikud poolunised, poolterased silmad kahe kõrge kulmukaare all ütelda tahavad? [Turgenev: 277].

Отметим лексическую точность перевода и в четвертом фрагменте, как и во всей первой половине текста:

А что-то хотят сказать они! Они даже говорят — но один лишь Эдип умеет разрешить загадку и понять их безмолвную речь [Тургенев 1982: 157].

Пер.: Midagi tahavad nad ju ütelda! Nad ütlevadki, aga ainult Oidipus oskab mõistatust lahendada ning nende hääletust kõnest aru saada [Turgenev: 277].

Начиная с пятого фрагмента, который является самым объемным в стихотворении, начинается вторая часть текста. Здесь рассказчик перестает видеть в сфинксе египетскую статую, в его воображении она трансформируется в образ русского крестьянина.

Обратим внимание на глагол „tunnen“ («знаю») в первом предложении. В переводе теряется семантика внезапного узнавания. Пропадает и удивление рассказчика, содержащееся в тургеневском тексте не только в восклицании «Ба!», но и в самом глаголе «узнавать».

В предпоследнем предложении фрагмента также происходят семантические изменения. В. Кримм в своем переводе использует слово „suguvend“ (соплеменник — человек одного с кем-либо племени, одной национальности), хотя тургеневское «соотчич» подчеркивает важность общей родины, отчизны, отечества. Отметим также нейтральное словосочетание „vene tüür“, которое не полностью соответствует экспрессивно окрашенному выражению «русская косточка». Таким образом,

эмоционально-экспрессивные коннотации, связанные с преображением сфинкса в русского мужика, в эстонском переводе ослаблены:

Ба! Да я узнаю эти черты... в них уже нет ничего египетского. Белый низкий лоб, выдающиеся скулы, нос короткий и прямой, красивый белозубый рот, мягкий ус и бородка курчавая — и эти широко расставленные небольшие глаза... а на голове шапка волос, рассеченная пробором... Да это ты, Карп, Сидор, Семен, ярославский, рязанский мужичок, соотчик мой, русская косточка! Давно ли попал ты в сфинксы? [Тургенев 1982: 158].

Пер.: Ohoo! Ma ju tunnen neid näojooni... ei ole neis enam midagi egiptusepärast. Madal valge laup, kõrgeid põsesarnad, lühike sirge nina ja ilus valgete hammastega suu, pehmed vurrud ja väike kräsus habe ning need väikesed, teineteisest kaugel asetsevad silmad... ja peas paks, lauguga kaheks jagatud juustepahmakas... Oo, see oled ju sina, Karp, Sidor, Semjon – Jaroslavli või Rjazani maamees, minu suguvend, vene tüüp! Oled sa juba ammu sfinks? [Turgenev: 277].

В шестом фрагменте обратим внимание на появление союза „sest“ («потому что»), имеющего причинно-следственное значение, которое отсутствует в оригинальном тексте. Этот союз меняет синтаксическую структуру оригинала и придает предложению более литературный оттенок:

Или и ты тоже что-то хочешь сказать? Да, и ты тоже — сфинкс [Тургенев 1982: 158].

Пер.: Vahest tahad ka sina midagi ütelda? Jah, sest sinagi oled sfinks [Turgenev: 277].

При анализе седьмого фрагмента обратим внимание на определение „luitunud“ (silmad) («поблекшие, выцветшие»); оно более оценочно, чем тургеневский эпитет «бесцветные»:

И глаза твои — эти бесцветные, но глубокие глаза говорят тоже... И так же безмолвны и загадочны их речи [Тургенев 1982: 158].

Пер.: Ka sinu silmad, need luitunud, kuid sügavad silmad, ka need kõnelevad... Ja nende kõne on niisama hääletu ning mõistatuslik [Turgenev: 277].

Восьмой фрагмент является самым коротким в стихотворении, и он точно передан переводчицей:

Только где твой Эдип? [Тургенев 1982: 158].

Пер.: Aga kus on sinu Oidipus? [Turgenev: 277].

В последнем фрагменте примечательно существительное „rummikmüts“, которое обозначает в эстонском языке «круглую шапку без козырька» („ümmargune pokata müts“ [Õigekeelsussõnaraamat]). В данном случае мы имеем дело с обобщением, поскольку в эстонской культуре рассматриваемая реалия отсутствует. В стихотворении Тургенева идет речь о мурмолке – старинной мужской шапке с высокой, суживающейся кверху тульей, обычно из дорогой ткани и с отворотами из меха. С исчезновением исторической реалии в переводе ослабевает ирония, заключенная в тексте Тургенева и направленная в адрес русских славянофилов:

Увы! не довольно надеть мурмолку, чтобы сделаться твоим Эдипом, о всероссийский сфинкс! [Тургенев 1982: 158].

Пер.: Paraku ei piisa rummikmütsi pähepanemisest, et saada sinu Oidipuseks, oo ülevenemaaline sfinks! [Тургенев: 277].

2.4. Русский язык

Стихотворение в прозе «Русский язык» было написано И.С. Тургеневым в июне 1882 года. Оно также вошло в число текстов, опубликованных в 12 номере «Вестника Европы» за 1882 год, и завершало напечатанный на тот момент цикл [Тургенев 1982: 516].

По мнению комментаторов, стихотворение в прозе «Русский язык» является одним и наиболее ярких и известных текстов цикла [Тургенев 1982: 517].

До выхода в свет второй части текстов, не включенных в серию опубликованных в «Вестнике Европы», «Русский язык» считали финальным стихотворением цикла. Современница писателя Н.А. Юшкова в личной переписке с В. Микулич цитировала стихотворение в прозе с таким комментарием: «И лебединой песней Тургенева звучат его известные слова о нашем родном языке <...>» [Цит. по: Тургенев 1982: 516].

Большая любовь Тургенева к русскому языку, о которой он говорил в письмах к разным корреспондентам, неоднократно отмечалась исследователями. Например, в своем письме от 12 (24) декабря 1859 года к графине Е.Е. Ламберт И.С. Тургенев проводит параллель между судьбами русского народа и языка: «<...> хотя он не имеет

бескостной гибкости французского языка – для выражения многих и лучших мыслей – он удивительно хорош по своей честной простоте и свободной силе. Странное дело! Этих четырех качеств – честности, простоты, свободы и силы нет в народе – а в языке они есть... Значит, будут и в народе» [Тургенев 1987в: 124].

Упомянутая выше Н.А. Юшкова вспоминала встречу с Тургеневым, состоявшуюся в 1880 году: «Любовь к родине ярко выразилась у него в его любви к самому художественному произведению русского народа, *к русскому языку*» [Цит. по: Тургенев 1982: 516]. В своем письме она процитировала запомнившиеся ей слова писателя: «Связующим началом, в котором исчезает всякая рознь, служит *драгоценнейшее достояние всего русского народа – могучий и прекрасный русский язык*» [Цит. по: Тургенев 1982: 516].

Несмотря на лаконичный объем текста – всего лишь три предложения – И.С. Тургенев стремится передать читателю свою личную позицию, а также глубокую любовь к родине и русскому языку. Писатель не делит текст стихотворения на части, предпочитая выстроить единый и цельный фрагмент. Важную роль здесь играют интонационные паузы, задающие ритм стихотворению, которые выражены графически с помощью тире дважды, в то время как в эстонских переводах тире отсутствует. Обратимся к переводу В. Кримм:

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу! [Тургенев 1982: 172]

Пер.: Kahtlemispäevil, päevil täis rusuvaid muremõtteid mu kodumaa saatuse pärast oled sina üks minu tugi ja pidepunkt, oo suur, võimas, võltsimatu ja vaba vene keel! Kui sind ei oleks, mis hoiaks mind siis meelt heitmast selle peale, mis kodus sünnib? On ometi võimatu uskuda, et see keel ei oleks antud suurele rahvale! [Turgenev: 278]

В первой части первого предложения отметим использование Кримм составного существительного „muremõtteid“ («горестные/скорбные мысли/раздумья»; у Тургенева «раздумья» - «тягостные»), которое дополнительно подчеркивает печаль и скорбь повествователя. Тем самым усиливается эмоциональная окрашенность фразы

в сочетании с прилагательным „rusuvaid“ (ср. в обратном переводе: «гнетущие/тягостные, скорбные раздумья»).

Во второй части первого предложения переводчица использует определение „võltsimatu“ («подлинный, неподдельный»), которое семантически отличается от тургеневского эпитета «правдивый», т.е. содержащий правду, стремящийся к правде. Возможно, Кримм ввела это слово в перевод для фонетического повтора: четыре слова подряд начинаются с согласной [v], что придает тексту особую мелодику.

Интонационные паузы, о которых говорилось выше, находят отражение в эстонском тексте лишь частично – во втором предложении пауза, маркированная у Тургенева тире, компенсируется в переводе посредством запятой.

2.5. Выводы

Говоря о переводах рассмотренных стихотворений в целом, можно отметить, что Кримм старается точно передать стилистические особенности тургеневского текста и, в основном, это ей удается. Однако, в ходе анализа были выявлен ряд некоторых расхождений с оригинальными стихотворениями.

Точный в целом перевод стихотворения «Воробей» отличается довольно большим количеством конкретизаций тургеневских образов. На наш взгляд, такой перевод несколько ослабляет аллегорический характер тургеневского текста и делает его в большей степени пластичным, визуально представимым для читателя. В связи с этим можно сказать, что антропоморфизация воробья, присутствующая в оригинальном тексте стихотворения, в эстонском тексте также ослабляется. Однако Вирве Кримм компенсирует эти важные тургеневские смыслы в другом месте текста или заменяет тургеневский образ на иной, но передающий семантику очеловечивания главного персонажа стихотворения в прозе (например, использование прилагательного „võõras“ для передачи смысла словосочетания «голосок одичал»).

Кроме того, необходимо отметить, что в переводе Кримм множественные случаи конкретизации тургеневских образов, чаще всего встречаются при описании воробья.

Например, наиболее выделяющееся в эстонском тексте использование слова „lind“ («птица») вместо тургеневского «дичь».

Конкретизацию образов можно заметить и в переводе стихотворения «Ши»: Кримм конкретизирует некоторые детали образа крестьянки, используя существительное „palged“ («щеки»), отсутствующее в исходном тексте стихотворения. В эстонском переводе также можно встретить семантические несоответствия и расхождения с оригиналом, которые встречаются при описании внешнего и внутреннего облика крестьянки (например, ее движений и внешнего выражения эмоций). Также необходимо подчеркнуть отступление от тургеневской композиции текста в переводе: как было отмечено в самом анализе, Кримм объединяет два фрагмента в один.

При анализе перевода стихотворения «Сфинкс», нами были отмечены некоторые семантические несоответствия. Например, в тексте нами выделяются ключевые формулы «соотчич», «русская косточка» и «мурмолка», переведенные Кримм как „suguvend“, „vene tüüp“ и „rummikmüts“. Данные формулировки являются на наш взгляд не слишком удачными, так как имеют расхождения в семантике с оригинальным текстом Тургенева. Из-за генерализации, произошедшей при переводе реалии «мурмолка», в эстонском переводе в стихотворении ослабевает тургеневская ирония.

В своем подходе к переводу стихотворения Кримм попыталась повторить особое построение тургеневского текста, используя фонетические повторы, что у нее частично получилось. Тем не менее, создаваемый Тургеневым эффект затрудненного чтения и образа пустыни через особый подбор слов ей передать не удалось.

Перевод стихотворения «Русский язык» осуществлен наиболее точно. Переводчица попыталась сохранить эмоциональную окраску рассматриваемого стихотворения, что, в целом, у нее получилось. Однако следует вновь подчеркнуть, что передача интонационных пауз, выраженных в тексте тире и создающих ритм стихотворения, выполнена лишь частично.

Глава 3. Повесть Тургенева «Несчастная» в переводе В. Кримм

Целью третьей главы бакалаврской работы является анализ перевода речи некоторых героев повести И.С. Тургенева «Несчастная» (1869) в сопоставлении с исходным текстом. Нас будут интересовать особенности перевода разговорной речи и просторечия, иноязычные вкрапления, речевые ошибки персонажей, а также устойчивые словосочетания – все то, что является отклонением от нейтрального литературного стиля, требует от переводчика владения самыми разными стилистическими регистрами и превращает перевод в сложный и подлинно творческий процесс.

3.1. Концептуальный замысел повести и ее персонажи

Тургенев начал писать повесть «Несчастная» весной 1868 г. Основная работа над произведением велась летом того же года, когда писатель находился в Спасском, что позволило ему закончить рукопись 28 августа (9 сентября). Впервые повесть «Несчастная» была опубликована в 1869 году в первом номере журнала «Русский Вестник» [Лотман 1981: 443].

Вероятно, что подробный план произведения и формулярный список действующих лиц, в котором даны подробные описания всех главных героев, Тургенев составил еще в начале 1868 года, озаглавив текст как «рассказ». План произведения разделен на две части: хронология событий, описываемых в повести, и основной сюжет будущего произведения. Примечательно, что в обеих частях плана описываются одни и те же эпизоды [там же].

Хронология изображенных в повести событий, несомненно, играла для Тургенева большую роль: он не только указывает в плане год, в который происходят события повести – 1835, но также время каждого события и возраст героев, непосредственно участвующих в описываемых действиях. По мысли Л.М. Лотман, писатель отмечает также возраст, даты рождения и смерти даже второстепенных персонажей произведения [Лотман 1981: 444].

После описания сюжета задуманного Тургеневым произведения, он дает подробные характеристики главным действующим лицам: Фустову, Ратчу, Элеоноре Карповне, Виктору и Сусанне. Эти характеристики включают в себя описание внешности, краткое изложение жизни и перечисление наиболее важных черт характера [Лотман 1981: 446].

Достоен внимания и тот факт, что изначальный план очень близок к беловому варианту повести. Сюжет произведения и его построение, как они изложены в плане, а также особенности взаимоотношений героев нашли свое отражение в конечной редакции «Несчастной» [Лотман 1981: 444].

Л.М. Лотман указывает на то, что в повести «Несчастная» Тургенев, уже опубликовавший к тому времени роман «Дым» (1867), в очередной раз вступает в полемику со славянофилами:

<...> содержащееся в повести сатирическое изображение носителей идей казенного патриотизма задевало наиболее консервативно настроенных сторонников славянофильской доктрины. Создавая образ лжепатриота — крупного петербургского бюрократа Семена Матвеевича Колтовского и «исполнителя» его «предначертаний» — авантюриста Ратча, который сыплет тирадами в духе официальной народности, Тургенев выражал мысль, близкую к той, которая была сжато сформулирована Герценом, писавшим в «Былом и думах»: «Для того, чтоб отрезаться от Европы, от просвещения, от революции, пугавшей его с 14 декабря, Николай, со своей стороны, поднял хоругвь *православия, самодержавия и народности*, отделанную на манер прусского штандарта и поддерживаемую чем ни попало — дикими романами Загоскина, дикой иконописью, дикой архитектурой, Уваровым, преследованием униат и „Рукой всевышнего отечество спасла“ <...> [Лотман 1981: 455].

Основное действие повести разворачивается в доме многодетной семьи Ивана Демьяныча Ратча — обрусевшего чеха, зарабатывающего на жизнь преподаванием различных предметов. Рассказчика знакомит с этой семьей его давний приятель Фустов, влюбленный в падчерицу Ратча — Сусанну. Сусанна, разочаровавшись в Фустове и не выдержав жизни в семье отчима, совершает самоубийство. Перед тем как решиться на такой отчаянный шаг девушка оставляет рассказчику тетрадь, в которой она рассказывает о своем прошлом и показывает истинный облик своего отчима, а также его жестокость и алчность.

Сусанна, главная героиня интересующей нас повести, — это персонаж с трагической судьбой. Важнейшей частью произведения Тургенева можно назвать семнадцатую главу, где представлена тетрадь с записями Сусанны, которую героиня отдает рассказчику перед самоубийством.

Излагая историю своей жизни Сусанна сообщает, что является незаконнорожденной дочерью богатого русского помещика Ивана Матвеевича Колтовского, жившего в Тамбовской губернии, который до самой смерти так и не решился гласно признать ее своей наследницей, и матери-еврейки, дочери умершего живописца, некогда вывезенного в Россию из-за границы [Тургенев 1981: 91]. Об отношении Колтовского к дочери в формулярном списке героев Тургенев пишет так:

Иван Матвеевич хоть не мог решиться гласно признать ее (оттого и мать ее замуж выдал), но заботился об ее воспитании, сам читал с ней французские книги (sa jeune lectrice) <...> Умер под новый 26-ой г. внезапно, не оставив никакого завещания, хотя всё готовился написать [Тургенев 1981: 392].

Когда Сусанне было восемь лет, ее мать была выдана замуж за Ратча, бывшего тогда при Колтовском, по словам самой героини, «чем-то вроде управляющего» [Тургенев 1981: 92], что во многом определило дальнейшую судьбу девочки.

В первоначальном плане, составленном писателем, не было ни слова о еврейском происхождении Сусанны. Скорее наоборот, Тургенев подчеркивал русские корни матери героини:

Она была русская, дочь почтмейстера, вроде бывшего Мценского, звали ее Прасковьей Дмитриевной [Тургенев 1981: 390].

Тема еврейского происхождения Сусанны впервые появляется позднее на страницах черновой рукописи повести, где Тургенев разрабатывает образ матери: «Со мной вместе живет мать моя, еврейка» [Цит. по Лотман 1981: 448]. Развивая этот мотив, писатель также вставляет в текст сравнение судьбы Сусанны с судьбой героини романа Вальтера Скотта «Айвенго» – Ревекки [там же].

Примечательно, что Тургенев изначально назвал свою героиню «Магдалина», однако сразу отказался от этого варианта и дал главной героине имя «Сусанна». По мнению Л.М. Лотман это связано с тем, что имя «Магдалина» и вызываемые им ассоциации

«противоречат образу целомудренной, безупречно чистой, отвергающей все соблазны девушки» [Лотман 1981: 445].

Говоря об истории Сусанны, Л.М. Лотман проводит параллели с такими произведениями Достоевского как «Неточка Незванова» и «Униженные и оскорбленные». Она считает, что Тургенев пытался создать свой сюжет о сироте, попадающей во враждебное ей окружение, которая в дальнейшем оказывается вовлечена в сложные конфликты и интриги – сюжетная линия, уже ранее разработанная Достоевским [Лотман 1981: 455].

По мнению Л.М. Лотман в повести также нашла свое отражение трагическая история любви Фета и Марии Лазич, покончившей жизнь самоубийством, в образах Фустова и Сусанны. Еще одним реальным событием, с которым перекликается смерть главной героини повести, считается самоубийство Эмилии Гебель, дочери музыканта, в июне 1833 г., широко известное среди студентов Московского университета. Однако у Тургенева не было намерений с точностью передать все детали этой трагической истории и характеры его участников [Лотман 1981: 454].

Основные особенности речи Сусанны представлены в ее воспоминаниях – записанной в тетради истории собственной жизни. На основании этого текста, который находим в семнадцатой главе повести, можно заметить, что для речи героини характерно частое использование русских устойчивых словосочетаний, однако в отличие от Ратча, она использует их правильно. В ее записях встречается также сниженная лексика и архаизмы. Необходимо отметить, что героиня достаточно часто прибегает к использованию французского языка для передачи высказываний галломана Ивана Матвеича Колтовского. Галлицизмы являются также непосредственно частью речи самой Сусанны, поскольку она, вероятно, переняла речевые особенности семьи, в которой росла и воспитывалась. Перечисленные свойства ее речи представляют определенные трудности при переводе, поэтому они будут рассмотрены нами во второй части главы, посвященной переводу.

Говоря о героях повести, их речевой манере, необходимо также обратить внимание на рассказчика – Петра Гавриловича. Его имя упоминается в повести лишь несколько раз, однако он тоже является одним из главных персонажей, поскольку именно рассказчик

знакомит читателя с историей Сусанны и другими событиями, происходящими в этом произведении.

Петр Гаврилович – сирота, живущий в доме тетушки на улице Остоженке в Москве. На момент описываемых в повести событий ему было восемнадцать лет. Как свидетельствует сам рассказчик, он тогда только перешел на третий курс «словесного» факультета Московского университета, хотя учился плохо, поскольку часто бывал в обществе [Тургенев 1981: 61-62].

В первоначальном плане повести и формулярном списке действующих лиц сведений о рассказчике также немного. Его образ мало отличается от изначально задуманного Тургеневым. Возраст Петра Гавриловича и его чувство превосходства над его приятелем Фустовым остаются в беловом варианте повести неизменными. В процессе работы над произведением меняется только одна деталь: в плане повести присутствует фраза, указывающая на то, что рассказчик жил в одном доме с Фустовым, но в опубликованном варианте «Несчастной» неоднократно подчеркивается, что рассказчик во время описываемых событий проживал в доме своей тети [Тургенев 1981: 390].

Основываясь на тексте повести, можно отметить, что интеллигентный рассказчик Петр Гаврилович хорошо владеет русской литературной речью и в этом отношении близок самому автору повести.

Авторское оформление образов посредников нередко оказывается настолько минимальным и нейтральным, что их идейные выводы кажутся слившимися с авторскими взглядами, а самые их образы воспринимаются как едва ли не простые маски писателя [Шаталов 1969: 63].

Из всех интересующих нас героев, именно в речи рассказчика более или менее равномерно распределены разговорная и литературная речь.

В отличие от Ратча, он не испытывает пристрастия к специфическим русским выражениям, а в отличие от Сусанны, не насыщает свою речь галлицизмами. В его речи присутствует лишь незначительное количество вкраплений из французского языка. Именно передача этих особенностей речевой манеры рассказчика может

представить трудности для переводчика и будет рассмотрена в следующей части главы.

Характеристика Ивана Демьяныча Ратча, отчима Сусанны, которую Тургенев дает в формулярном списке героев, тоже не сильно отличается от персонажа, предстающего перед читателем повести. Однако, в ней дается больше деталей о его молодости. Тургенев даже указывает имя человека, привезшего Ратча в Россию в 1800 году «в качестве не то камердинера, не то секретаря», – князя Голицына [Тургенев 1981: 391].

Е. Фомина в своей докторской диссертации «Национальная характерология в прозе И.С. Тургенева» отмечает, что для Тургенева всегда была особенно важна проблема национального характера и ее отражение в литературе. Изображение русского характера занимало писателя на протяжении всей его жизни и нашло отражение в большинстве его произведений. Немаловажную роль в некоторых его произведениях сыграли и герои, представляющие другие европейские национальности, контрастирующие с русскими. Изображая их, Тургенев опирался на стереотипы в русской литературе начала XIX века и на европейскую литературную традицию своего времени [Фомина 2014: 30].

Ратч, говоря о своей национальности, неоднократно упоминает, что он чех, но при этом он разговаривает дома со своей женой-немкой на немецком языке. Сам Тургенев на вопрос о национальной принадлежности Ратча отвечал в письме Юлиану Шмидту 3 (15) декабря 1869 г. следующее:

Что касается Ратча в «Несчастной», то он ведь уже по одному имени чех, и, кроме того, он сам это говорит. То, что какой-то русский называет его «немецкой собакой» или «треклятой немчурой», ровно ничего не доказывает: простые люди в России обзывают так всякого иностранца, к какой бы нации он ни принадлежал. Но в следующем издании я постараюсь резче выдвинуть чешское происхождение Ратча, как вам это желательно [Тургенев 1994: 95].

Несмотря на свои слова, Тургенев так и не внес никаких изменений в характеристику национальной принадлежности Ратча в следующие издания повести [Лотман 1981: 458]. Хотя писатель и упоминает в тексте своего письма о том, что для русского человека любой иностранец является немцем, близость Ратча к немецкой культуре все равно невозможно отрицать: в домашней обстановке он часто говорит по-немецки, а в

моменты сильного душевного волнения в его речи можно услышать немецкий акцент [Тургенев 1981: 126]. И в самой повести, и в формулярном списке действующих лиц можно найти упоминания о том, что Ратч на самом деле родился в Чехии, но был вывезен за границу. Возможно, подчеркивая его чешские корни в тексте произведения, Тургенев пытался показать, насколько хорошо его герой умеет приспосабливаться к любым обстоятельствам с целью поиска наибольшей выгоды для себя – сначала произошло онемечивание, а после уже обрусение [Лотман 1981: 458].

Один из главных героев повести, Фустов, в разговоре с повествователем называет Ратча «обрусевшим немцем» [Тургенев 1981: 67]. Отношение Тургенева к обрусевшим немцам было крайне негативным [Фомина 2014: 64]. В своем письме А.И. Герцену 5 (17) декабря 1856 г. Тургенев нелестно отозвался об одном из таких немцев, Н.П. Поггенполе, редакторе газеты „Le Nord“:

Поггенполь — интригант, русский немец, который уверяет, что ненавидит немцев и «чюфствует союзу» (собственные его слова) с русским мужиком. Он и ко мне забегал, да и ко всем. Бог его знает, какими способами он приобрел “Le Nord” — и теперь, так как ветер, кажется, в России переменялся — то и он хочет не отстать и т. д. Порядочному человеку с такими молодчиками знаться не для чего [Цит. по Фомина 2014: 64].

Здесь Тургенев ссылается на фальшивый русский патриотизм Поггенполя и передает транскрипцию немецкой речи. В примечаниях к письму также указано, что подобное описание Поггенполя нашло отражение в образе Ратча [Тургенев 1987б: 509].

В качестве второго прообраза Ратча Е. Фомина приводит Н.И. Греча, о котором Тургенев оставил нелестные отзывы в своих письмах. Так же, как и герой Тургенева, Греч имел чешско-немецкие корни, но в оставленных им мемуарах «Записки о моей жизни» он всегда подчеркивал тот факт, что является русским. Однако в отличие от Ратча, Греч очень хорошо владел русским языком, хоть и допускал в своих произведениях стилистические небрежности и позволял себе использование крепких выражений. Фомина отмечает, что, по всей вероятности, Тургенев брал за основу стилистику Греча, пародируя и утрируя ее в речи Ратча [Фомина 2014: 121]. Рассматривая речь Ратча более подробно, можно выделить такие моменты как многочисленные высказывания на немецком языке, проявление время от времени немецкого акцента, а также некоторые примечания рассказчика о его произношении

(«Он выговорил Lager по-немецки» [Тургенев 1981: 81]), что указывает на близость героя немецкой культуре.

Е. Фомина относит Ратча к группе «мимикрирующих» тургеневских персонажей, которые меняют свою национальную идентичность. Он – приспособленец, который использует национальность для поиска личной пользы [Фомина 2014: 32, 113].

Речь Ратча в повести «Несчастливая» включает в себя иноязычные вкрапления, различные речевые ошибки, архаизмы, трансформированные фразеологизмы и отклонения от литературной нормы русского языка. Для этого персонажа также характерно частое использование просторечных выражений. Основной трудностью при переводе речевой манеры героя представляется именно передача всех ее особенностей. Речь Ратча и ее перевод на эстонский язык будут рассмотрены нами в втором параграфе главы.

Прежде, чем мы перейдем непосредственно к анализу, следует упомянуть, что сам Тургенев предпочитал литературный русский язык точному воспроизведению различных стилей в речи своих героев:

<...> в подавляющем большинстве случаев прямая речь у Тургенева не является протокольно точным воспроизведением стилей речи, сложившихся в русской действительности. Реплики и монологи героев Тургенева всегда основаны на речи литературной, они как бы подчищены фонетически и лексически и освобождены от резких фразеологических примет воспроизводимого стиля разговорной речи. Отклонений от литературной нормы немного <...>. Тургенев и не ставил своей целью точное воспроизведение определенного стиля речи. Фактически он всегда лишь имитирует его, придавая речи персонажей отдельные признаки соответствующего стиля. Но это не означает, что ему удавалось достичь лишь его бледного подобия, напротив, он вызывает у читателя очень живое впечатление – настоящую иллюзию самобытно звучащей речи русских людей различного социально-сословного положения [Шаталов 1979: 98].

Следует сразу заметить, что для эстонского читателя повести в тексте даются многочисленные подстрочные примечания редактора, поясняющие, о каких исторических личностях или народах упоминается в повести (например, представлены сведения о Джоне Фильде, янычарах и т.д.), а также пояснения к некоторым иноязычным понятиям, таким как, например, латинский термин *plexus solaris*, встречающийся в восьмой главе [Тургенев 1981: 73]. В оригинальном тексте повести

подстрочные примечания отсутствуют, однако в Полном собрании сочинений Тургенева в конце тома есть обширные комментарии и сопроводительные материалы. Примечания редактора Э. Пускар в тексте перевода Кримм не являются переводом комментариев из собрания сочинений Тургенева.

3.2. Особенности перевода речевой манеры героев повести «Несчастливая»

3.2.1. Перевод нарушений литературной нормы русского языка и речевых ошибок

В этой части мы обратимся к характеристике перевода речи героев в тех случаях, когда она расходится с литературной нормой. Объектом нашего внимания будут также допускаемые персонажами речевые ошибки и их перевод в тексте Кримм.

Обратимся к эпизоду из начала восьмой главы, где Ратч знакомит повествователя со своей падчерицей Сусанной. Рассказчик кратко характеризует манеру речи Ратча:

(<...> Помнится, однажды Иван Демьяныч, увлеченный своею любовью к бойким словам с энергическим окончанием, стал уверять меня, что у него в саду везде *известняк, хворостняк и валежняк*.) [Тургенев 1981: 70].

Пер.: „(<...> Ma mäletan, et ükskord püüdis Ivan Demjanõts, haaratud oma meeldumusest uljastesse, energilise lõpuga sõnadesse, mulle seletada, et tema aias on rohkesti *lubjakivindit, haorisundit ja lamapuidundit*.)“ [Turgenev: 131].

Заметим, что Ратч образует новые слова по морфологической модели существующего в языке слова «известняк» («хворостняк, валежняк»). Кримм обращается к тому же способу словообразования, используя в переводе такие формы слов как „lubjakivind“, „haorisund“ и „lamapuidund“ (первое из этих слов встречается в эстонском языке, а два последующих - нет). Переводчица придает двум лексемам неправильную форму (замещает суффикс –як эстонским суффиксом –nd) и тем самым образует неологизмы от слов „haorisu“ и „lamapuit“, что, как мы видим, соответствует способу, к которому прибегает Тургенев в исходном тексте.

В четвертой главе повести происходит первое знакомство повествователя с Ратчем. В этом фрагменте Тургенев выразительно передает некоторые типичные особенности речи своего героя:

— Но это происходит оттого, что вы еще не знаете моей *комплекции*. Вы *осведомьтесь* обо мне у нашего доброго Александра Давыдыча. Что он вам скажет? Он вам скажет, что старик Ратч — простяк, русак, хоть и не по происхождению, а по духу, ха-ха! <...>, *церемониев* этих разных не знаю и знать не хочу! <...> Заходите когда-нибудь ко мне вечером, сами увидите. Баба у меня — жена то есть, — простая тоже; наварит нам, *напекет*... беда! Александр Давыдыч, правду я говорю?» [Тургенев 1981: 66].

Пер.: „Aga see tuleb sellest, et teie ei ole minu *meelelaadiga* veel tutvav. Eks kuulake siis meie hea Aleksandr Davõdõtsi käest järele. Et mis tema teile ütleb. Tema ütleb teile, et vana Ratč on üks lihtne mees ja tõsivenelane, kui ka mitte päritolu, siis hinge poolest, ha-ha! <...>; nende pagana viisakuseviguritega ei oska mina midagi peale hakata ega tahagi osata! <...> Astuge mõni õhtu meile sisse, siis näete oma silmaga. Minu eit, see tähendab naine, on samuti lihtne inimene, ta küpsetab ja *kupatab* meile nii et... hoia alt! Eks ole, Aleksandr Davõdõts?» [Turgenev: 126]⁴.

В приведенной цитате обратим внимание на лексему «комплексция». В русском языке слово «комплексция» означает «телосложение». Ратч, рассказывающий о своем нраве и характере, употребляет это слово в неправильном значении. В переводе Кримм использует слово „*meelelaad*“ («душевный склад», «характер», «нрав»), не сохраняя таким образом ошибочное употребление слова, а передавая эстонскому читателю то лексическое значение, которое герой подразумевает. Использование персонажем неверных форм слов – «церемониев» и «напекет» (диалектный вариант словоформы «напечет» можно тоже считать нарушением литературной нормы), в эстонском переводе также не передается. Здесь можно отметить в целом более литературный в сравнении с оригиналом перевод – ошибка и отклонение от литературной нормы у Кримм не переведены.

В конце отрывка Кримм использует третью форму единственного числа от глагола „*kupatama*“ (так передается нелитературная, диалектная, форма «напекет»), который в эстонском языке имеет несколько значений – „*toiduaineid soolase, kibeda v. hapu maitse vähendamiseks v. mürkainete kõrvaldamiseks veidi aega rohkem vee keetma*“ («обдавать кипятком, обваривать продукты для уменьшения горького и кислого вкуса»), а также

⁴ Курсив здесь и далее мой, кроме отдельно оговоренных случаев.

просторечные - „kedagi (sunniviisil) kuhugi saatma, ajama v. midagi tegema panema“ («посылать, кого-то куда-либо насильно или заставляя что-то делать»), „kiiresti sõitma, kihutama, tuhatnelja ajama; tormama, jooksmas“ («мчаться, нестись»), „(kuhugi) loopima, paiskama, virutama, ajama“ («швырять») или „keetma“ («варить»): именно последнее значение актуализуется в эстонском тексте [Eesti keele seletav sõnaraamat]. Можно сказать, что в данном фрагменте происходит своеобразная компенсация отсутствующих у Кримм речевых ошибок за счет введения глагола с разговорно-просторечным оттенком, который оказывается в предложении на последнем месте, как бы замещающая отклонение литературной нормы в исходном тексте.

Обратим теперь внимание на фрагмент из двенадцатой главы, в которой рассказчик приходит в гости к Ратчу и застаёт его и Сусанну за изучением семейной бухгалтерии:

— Вот, сударь, — начал г. Ратч и ударил себя по ляжке, — в каких занятиях вы нас с Сусанной Ивановной застали: счетами занимаемся. Супруга моя в «*арихметике*» не сильна, а я, признаться, глаза свои берегу [Тургенев 1981: 77].

Пер.: „Näete, aulik isand,“ alustas härra Ratč ja lõi endale vastu reit, „millelt te mind ja Susanna Ivanovnat tabasite: meie uurime arveid. Minu abikaasa ei ole „*arifmetikas*“ just tugev ja mina ise hoian ausalt ütelda oma silmi.“ [Turgenev: 138].

Обратим внимание на ошибку в слове «арифметика». «Арихметика» – это пример нарушения литературной нормы, а именно лексико-фонетический диалектизм [Кошкарёва 2010: 82]. Кримм в эстонском переводе эту ошибку сохраняет и использует искаженный вариант „arifmetika“ вместо правильного для эстонского языка „aritmeetika“. Необходимо также отметить, что и Тургенев, и Кримм заключают это слово в кавычки для того, чтобы акцентировать его, поскольку, вероятнее всего, персонаж искажает слово намеренно.

Говоря о переводе на эстонский язык отклонений от литературной нормы в целом, можно отметить, что Кримм стремится сохранить их, где это возможно. Однако, передача характерных для речи Ратча неверных словоформ реализуется в эстонском тексте не полностью – в ряде случаев переводчица нейтрализует текст или прибегает к использованию лексики с просторечно-разговорным оттенком.

3.2.2. Перевод архаизмов

В этом разделе мы проанализируем отдельный тип лексики – архаизмы, играющие большую роль в прямой речи ряда героев повести. Рассматриваться будут и те случаи, когда устаревшие слова встречаются только в переводе. Мы также считаем необходимым добавить, что для Кримм, переводившей Тургенева во второй половине XX века, архаичными являлись те слова, которые в это время считались в русском языке устаревшими. Однако многие из них не считались архаизмами в XIX веке: и в то время, когда создавалась повесть Тургенева (конец 1860-х гг.), и тем более в 1830-е годы, когда происходит основное действие в повести. Насколько эта проблема осознавалась переводчицей, мы пока сказать не можем.

Рассмотрим фрагмент из начала восьмой главы, в которой Ратч предлагает Фустову сыграть дуэт:

— <...> Цитра ваша у нас осталась, а фагот я уже из футляра вынул. Насладим *ушеса* честной компании! <...> И где этот шут Виктор пропадает? Послушал бы тоже! [Тургенев 1981: 71].

Пер.: „<...> Teie tsitter on meil ja fagoti võtsin ma juba vutlarist välja. Laskem auväärt seltskonna kõrvul <...>! Kus see *narrilane* Viktor ometi on? Oleks ka kuulunud!“ [Turgenev: 131].

Здесь Ратч употребляет церковнославянизм «ушеса», который у Кримм не передается. Однако переводчица компенсирует пропуск в том же фрагменте, вводя в текст устаревшую ко второй половине XX века форму эстонского слова „narr“ («шут») – „narrilane“.

Приведем еще один пример из четвертой главы, где Ратч обращается к рассказчику после того, как представился ему:

— Вы, я вижу, молодой человек, *поведенцу* моему удивляетесь, — обратился он опять ко мне [Тургенев 1981: 66].

Пер.: „Ma näen, et teie, noormees, panete minu *ülespidamist* imeks,“ pöördus ta uuesti minu poole [Turgenev: 126].

Здесь следует обратить внимание на устаревшее слово «поведенция» (в Национальном корпусе русского языка нами обнаружено всего 14 вхождений лексемы «поведенция», из которых лишь 4 относятся к 1830-м годам, в которых происходят описываемые в

повести события; «поведенец» встречается в текстах XIX века дважды), используемое героем в мужском роде и не являющееся литературной нормой. В словаре Даля находим такие определения этой лексемы: «что повелось издавна, обык, обычай, заведение, порядок». При переводе рассматриваемого фрагмента Кримм вводит в текст эстонский архаизм „ülespidamine“, который имеет в эстонском словаре два значения – „elatis, elatamine“ и „käitumine“ [Eesti keele seletav sõnaraamat]. Таким образом, переводчица сохраняет в эстонском тексте склонность героя к употреблению архаизмов или же слов, нарушающих литературную норму.

В той же главе Фустов представляет Ратча рассказчика как «преподавателя разных предметов», а сам Ратч это подтверждает:

— Именно, именно разных предметов, — подхватил, г. Ратч. — Чему, подумаешь, я только не учил, да и теперь не учу! И математике, и *географии*, и статистике, и *италийской* бухгалтерии — ха-ха-ха-ха! — и музыке! Вы сомневаетесь, милостивый государь? — накинулся он вдруг на меня. — Спросите Александра Давыдыча, каково я на фаготе отличаюсь? Какой же я был бы в противном случае богемец, чех *сиречь*? Да, сударь, я чех, и родина моя — древняя Прага! Кстати, Александр Давыдыч, что вас давно не видать? Дуэтец бы разыграли... ха-ха! Право! [Тургенев 1981: 66].

Пер.: „Jüst-jüst, nimelt mitut ala,“ lõi härra Ratč sekka. „Kui ikka mõtelda, mis ma kõik õpetanud olen ja praegugi õpetan! Küll matemaatikat, küll *maadeteadust*, küll statistikat, küll itaalia raamatupidamist, ha-ha-haa! küll muusikat! Kas teie, armuline härra, ei usu või?“ kargas ta järsku minu kallale. „Küsi Aleksandr Davõdõtši käest, mis mekk mu fagotimängul on! Mis bööm *elik* tšehh mina vastasel korral oleksin! Jah, mu härra, mina olen tšehh ja mu sünnimaja on iidne Praha! Aga muuseas, Aleksandr Davõdõtš, miks teid juba ammu enam näha pole olnud? Oleksime ühe tillukese dueti maha mänginud... ha-ha! Eks ole!“ [Turgenev: 126].

Здесь следует обратить внимание на употребление персонажем такой лексемы как «сиречь» («точнее говоря») и фонетического архаизма «италийский». В переводе Кримм, в свою очередь, можно выделить использованную переводчицей старую форму написания наречия „just-just“ (например, этот способ написания „jüst“ можно встретить в отрывке перевода романа „Kui ma alles põllumees olin“ Фрица Ройтера, опубликованном в 1901 году в газете Postimees: „<...>, ta jüst selsamal silmapilgul pidi oma wäilseid pardipoegi linnaste praagaga sõõtma <...>“ [Postimees 1901: 1]). По тому же принципу выделяется из текста слово „maadeteadus“, являющееся устаревшей формой современного литературного эстонского „maateadus“ («география»), которым Кримм

также, как и в предыдущем фрагменте, передает архаические вкрапления в речи Ратча. Использование подобных форм в тексте позволяет переводчице компенсировать и передать склонность Ратча к употреблению устаревших форм в речи. В этом же примере находим устаревшую форму эстонского союза „elik“ - «или» („Mis bööm elik tšehh mina vastasel korral oleksin!“).

Стоит также отметить, что Кримм не всегда передает встречающиеся в исходном тексте архаизмы. В качестве примера обратимся к фрагменту из семнадцатой главы, т.е. записям Сусанны, дающим нам представление о письменной речи героини:

Но тот только улыбнулся (то есть нет: он никогда не улыбался, а как-то *завастривал* и выдвигал вперед губы) <...> [Тургенев 1981: 94].

Пер.: „Kuid too naeratas vaid (see tähendab, ei, ta ei naeratanud iialgi, muigutas ja torutas ainult huuli kuidagi ettepidi) <...>.“ [Turgenev: 156].

В своем жизнеописании героиня употребляет глагол «завастривать», которое в словаре Даля трактуется как один из вариантов глагола «заострять» и, согласно Национальному корпусу русского языка, не является частотной формой для языка XIX века (в основном корпусе лексема «завастривать» имеет 2 вхождения, «заострять» - 5 вхождений). Кримм не использует здесь архаизмов, но при этом вводит в текст эстонский диалектизм „ettepidi“ („ettepoole“) [Väike murdesõnastik].

Перейдем теперь к фрагменту из самого начала письма Сусанны, где она описывает привычки своего отца, Ивана Матвееча Колтовского:

С матушкой он изысканно вежлив, но беседует и с нею мало: скажет ей два-три благосклонные слова, на которые она тотчас торопливо ответит, — скажет и умолкнет, и сидит, с важностью озираясь кругом и медленно перебирая щепотку испанского табаку в золотой круглой *табатерке* с вензелем императрицы Екатерины [Тургенев 1981: 91].

Пер.: „Minu emakesega paar-kolm heasoovlikku sõna, millele ema kohe kähku vastab, - ütleb ja jääb wait ning istub ja vahib tähtsa näoga ringi ja sõrmitseb pikkamisi näputäit hispaania tubakat ümmarguses, keisrinna Katariina monogrammi kandvas *kuldtubakatoosis*“ [Turgenev: 153].

Сусанна использует здесь лексему «табатерка», являющуюся галлицизмом, а также, вероятно, устаревшим словом в русском языке первой половины XIX века (2 вхождения в Национальном корпусе) [Исторический словарь галлицизмов русского

языка]. При переводе на эстонский Кримм использует слово „kultubakatoos“ («золотая табакерка»), являющееся литературной нормой эстонского языка, и не вводит в текст рассматриваемого фрагмента архаизмов.

Рассмотрим также фрагмент, в котором Сусанна описывает одежду, которую обычно носит ее отец:

А придешь, увидишь эти большие унылые комнаты, эти пестрые штофные мебели, этого приветливого и бездушного старика в шелковой «дульетке» нараспашку, в белом жабо и белом *галстухе*, с *манжетками* на пальцах, <...> [Тургенев 1981: 94].

Пер.: Aga jõuad sinna, näed neid suuri kõledaid tube, seda kirju damastkatttega mööblit, seda lahket ja hingetut vanahärrat ta siidvestiga, hõlmad lahti, valge žaboo rinnal ja valge lips ees, mansetid sõrmedeni, <...>. [Turgenev: 156].

Здесь примечательно, что героиня употребляет устаревшие формы написания таких лексем как «галстук» и «манжетки». Данная особенность речи героини никак не передается в переводе, поскольку Кримм использует в рассматриваемом примере только нормативную лексику эстонского языка.

Подводя итог разделу главы, посвященному архаизмам, можно сказать, что данная особенность передается в эстонском переводе не полностью. Иными словами, переводчица сохраняет архаизмы в речи Ратча, но, судя по всему, как показывают наши наблюдения, не считает необходимым это делать, когда специфические вкрапления встречаются литературной речи Сусанны и рассказчика.

3.2.3. Разговорная и просторечная лексика в переводе

Следующим разделом лексики, на который следует обратить внимание – это просторечные и разговорные выражения в речи тургеневских героев повести.

Обратимся к фрагменту из начала четвертой главы, где рассказчик впервые встречается с Ратчем в гостях у своего приятеля Фустова. Здесь мы видим, как Ратч дает знать Фустову, находящемуся в другой комнате, что он пришел учить его брата. Выбранный нами отрывок является первым в повести примером прямой речи интересующего нас персонажа:

— Я к братишке вашему припер было урок давать; да он, *знать*, простудился, чихает всё. Действовать не может. Вот я и завернул к вам пока, отогреться [Тургенев 1981: 65].

Пер.: „Mina rühkisin ju siia õieti teie vennasele tundi andma, aga näedsa, tema on ennast nii ära külmetanud, et muudkui aevastab. Teha ei saa mitte midagi. Nõnda ma siis põikasingi korraks teie poole nina soojendama.“ [Turgenev: 125].

В рассматриваемом фрагменте в первую очередь можно выделить фразу «я к братишке вашему припер». Ратч употребляет глагол «припереть», имеющий разговорно-сниженную окраску: «притащить, принести громоздкую, тяжелую вещь», а также использующийся в актуальном для данного примера значении «прийти». В эстонском переводе Кримм использует нейтральный в эстонском языке глагол „rühkima“, который может иметь два значения: „visalt edasi liikuma (käima v. sõitma), kuhugi suunduma“ («упорно, настойчиво двигаться вперед, куда-то стремиться») или „agaralt ja väsimatult töötama, tööd rühmama“ («усердно и безустанно работать») [Eesti keele seletav sõnaraamat]. Ни одно из значений не является полным соответствием русского глагола «припереть», однако сохраняется сема усилия, тяжести выполняемого действия.

Здесь же персонаж использует лексему «знать», которая, согласно словарю Даля, является формой наречия в значении «должно быть». Переводчица здесь использует вводную конструкцию „näedsa“ («видишь ли») с разговорным оттенком.

В то же время, в эстонском тексте анализируемого фрагмента встречается еще одна лексема с разговорной окраской – „vennas“, которая соответствует русскому просторечному «братец, братишка». Судя по всему, таким образом Кримм старается компенсировать присутствующий в исходном тексте просторечный глагол «припереть».

Стоит обратить внимание также на еще один фрагмент:

— <...> При крещении наречен Иоганн-Дитрих, а *кличка* моя — Иван Демьянов! <...> *Ну их!* [Тургенев 1981: 66].

Пер.: „<...> Ristitud olen Johann-Dietrichiks, ise aga olen Ivan Demjanov! <...> *Susi neid söögu!*“ [Turgenev: 126].

Ратч употребляет лексему «кликча», которая трактуется в словаре Даля как действие по глаголу «кликать» («звать, призывать, кричать кого, требовать голосом кого, куда-либо»). Ратч это слово использует в значении «имя», точнее, имя и фамилия. У Кримм же такая лексема в переводе отсутствует – она ее опускает, предпочитая другую, стилистически более обобщенную, конструкцию предложения («я – Иван Демьянов»).

Также в рассматриваемом фрагменте особо выделяется разговорное выражение «ну их». В словаре Даля для лексемы «ну» дано достаточно много значений, одно из которых «междометие брани, проклятий» особенно подходит для описываемой в представленном отрывке ситуации. Кримм при переводе на эстонский сохраняет стилистический регистр и использует разговорное выражение „Susi neid sõõgu!“ («Чтоб им пусто было!»), что отчасти дает читателю представление о стиле речи Ратча в этом фрагменте.

Обратим внимание на еще один эпизод, который является заключительным в четвертой главе повести. Здесь можно увидеть целый ряд слов просторечного и разговорного оттенка:

— А теперь... (Он выхватил толстые серебряные часы из кармана и поднес их к выпученному правому глазу.) Мне, я полагаю, лучше отправиться. Другой птенец меня ожидает... Этого я чёрт знает чему учу... мифологии, ей-богу! И далеко же живет, *ракалья*! у Красных ворот! <...>, благо братец ваш *скиксовал*, *ан* пятиалтынный на извозчика цел, в мошне остался! <...> А вы, молодой человек, *заверните*... Что ж такое?... *Дуэтец* беспрерывно надо разыграть! [Тургенев 1981: 66].

Пер.: „Aga nüüd...“ (Ta tõmbas taksust suure hõbeuuri ja tõstis selle oma pungis parema silma juurde.) „Ma arvan, et mul on nüüd parem edasi minna. Mind ootab üks teine linnupojuke... Kurat teab, mis ma veel temale õpetan... mütolooiat, jumala eest! Ja kaugel elab ta veel ka, *oi sina sindrinahk*! Punase värava juures! <...>, kuna see teie vennas pettelöögi tegi, ja voorimehe *viieteistkopkane* jääb alles, minu kukrusse! <...> Ja teie, noormees, astuge aga sisse... Mis seal veel!... Ilmtingimata mängime ühe tillukese dueti!“ [Turgenev: 127].

Ратч у Тургенева использует просторечные слова и выражения, стилистически окрашивающие весь отрывок: «ракалья» (подлец, мерзавец), «дуэтец», «заворачивать» в значении «завернуть к кому-либо, зайти, заехать», глагол «скиксовать», образованный от существительного «кикс» («в бильярдной игре промашной удар, косой, оскользень»), а также союз «ан», который в словаре Даля описывается как аналог устаревшего союза «аже». В целом, Вирве Кримм удается передать манеру речи

Ратча. Здесь переводчица использует такие разговорные конструкции, как, например, „oi sina sindrinahk“ («ах ты леший») и „viieteistkopkane“, которые носят просторечный или разговорный оттенок.

Рассмотрим в качестве примера также короткий фрагмент из шестой главы, где Ратч неодобрительно отзывается о своем старшем сыне Викторе:

— Чай, всё *шляется* куда попало! Уж *наскочит* он на инспектора! [Тургенев 1981: 69].

Пер.: „Muudkui *laaberdab*, kus juhtub! Ükskord jookseb ta veel inspektorile sülle!“ [Turgenev: 129].

Здесь герой употребляет глаголы с разговорным оттенком «шляться» («шататься без дела, слоняться, бродить от безделья», согласно словарю Даля) и «наскочить» («накидываться или наткнуться скачками, прыжками», «набегать, наноситься вскачь» по Далю). Кримм использует в этом отрывке глагол „laaberdama“ («слоняться, шататься»), имеющий в эстонском языке значения „pummeldama, prassima; laia elu elama; ringi hulkuma, ringi ajama“, а также относящийся к стилистически сниженной лексике эстонского языка [Eesti keele seletav sõnaraamat].

Обратимся теперь к отрывку из воспоминаний Сусанны, где она описывает улыбку своего отца:

Каждый день я читала Ивану Матвейчу, иногда три, четыре часа *сряду*... <...> Доктор наш боялся за мою грудь и даже однажды доложил об этом Ивану Матвейчу. <...> осмелился было заметить доктор [Тургенев 1981: 94].

Пер.: „Ma lugesin Ivan Matveitšile iga päev ette, mõnikord kolm ja neli tundi järjest... <...> Meie *tohter* kartis minu rinna pärast ja avaldas seda kartust kord isegi Ivan Matveitšile. <...> sõandas *tohter* märkida.“ [Turgenev: 156].

Здесь Сусанна использует просторечное наречие «сряду», имеющее то же значение, что и более нейтральное слово «подряд». Кримм же при переводе использует слово, являющееся литературной нормой эстонского языка „järjest“ («подряд»). Однако переводчица компенсирует лакуну в последующих предложениях, дважды используя просторечный вариант слова «доктор» – „tohter“ [Eesti keele seletav sõnaraamat], передавая стилистический оттенок речи героини в рассматриваемом фрагменте.

Рассмотрим короткий фрагмент из семнадцатой главы, в котором Сусанна рассказывает о слухах, которые появились после смерти Ивана Матвеича в период ожидания приезда нового барина, Семена Матвеича:

Поднялось *шушукание* [Тургенев 1981: 101].

Пер.: „Käis sosin.“ [Turgenev: 164].

Здесь героиня употребляет разговорно-просторечное слово «шушукание», имеющее в русском языке значение «разговоры тишком, по секрету». Кримм обращается к лексеме „sosin“, которая является литературной нормой эстонского языка и имеет несколько значений: „tasane kahisev (häälekurdude vibreerimata) rääkimine“ „tagaselja räägitud jutt, klatš, salajutt“. Очевидно, что здесь подразумевается второе значение, которое также имеет в эстонском языке разговорную окраску.

Проанализируем теперь фрагмент из первой главы повести, где рассказчик делится с читателем деталями своего досуга в годы студенчества:

«Благородные» дома я посещал редко, но в театре был как свой — и *пропасть* поедал пирожков по кондитерским [Тургенев 1981: 62].

Пер.: „Suursuguseid maju külastasin ma harva, kuid teatris olin omainimene ja kondiitriärides *pistsin nahka* terveid *pirukamägesid*.“ [Turgenev: 123].

В приведенном отрывке стоит выделить встречающиеся в речи героя просторечные слова «пропасть» в значении «несметно много, несчетное число, огромное количество» и глагол с разговорным оттенком «поедать» («съедать, пожирать»). Для сохранения этой особенности речи персонажа при переводе Кримм использует эстонское выражение „nahka pistma“ („ära sööma“), которое также относится в эстонском языке к разговорно-просторечному стилистическому регистру [Fraseoloogiasõnaraamat]. Здесь также встречается составное существительное „pirukamäed“ («горы пирожков»), которое, по своей метафорической основе является противоположностью русского существительного «пропасть», т.е. возвышенность, но при этом тоже используется в значении «очень много» и достаточно точно передает смысл сказанного.

Перейдем к фрагменту, в котором Ратч обращается к членам своей семьи, пытаясь организовать музыкальный дуэт, и просит их принести все необходимое. Комизм речи Ратча основан здесь на контрасте разговорной и высокой лексики:

— Колька, марш в кабинет, тащи сюда пюпитры! Ольга, *волоки* цитру! Да свечек к пюпитрам *соблаговоли, благоверная!* [Тургенев 1981: 70].

Пер.: „Kolka, marss minu kabinetti, ja sikuta noodipuldid siia! Olga, sina mine too tsitter! Ja küünlaid pultidele, pai laps, mu õigeusklik järglane!“ [Turgenev: 131].

Ратч употребляет глагол «волочить» («таскать, тащить, брать таском, волоком, везти по земле, двигать; тянуть»), имеющий разговорный характер в русском языке, а также такие слова как «соблаговолить» («соизволить, позволить или дозволить, разрешить, милостиво дать согласие свое, приказать») и «благоверная» («исповедующая истинную веру; православная»), принадлежащие скорее к книжному стилю. Кримм использует в переводе обращения „pai laps“ («послушный ребенок») и „mu õigeusklik järglane“ («мой православный потомок»), которые передают оттенок комической торжественности в обращении Ратча. Можно сказать, что использование в отрывке подобного витиеватого обращения и приказа „marss“ („käskiv hüüatus kiireks kuhugi minekuks v. mingi tegevuse alustamiseks»), имеющего в эстонском языке просторечный оттенок [Eesti keele seletav sõnaraamat], помогает передать стилистический контраст в речи персонажа.

Обратим также внимание на корневой повтор и звуковую игру в исходном тексте («соблаговоли, благоверная»). В эстонском переводе эта особенность прямой речи персонажа передается в словах, которые начинаются со звуков [s] и [ts]: „sikuta“, „siia“, „sina“ и „tsitter“.

Стоит заметить, что Кримм не всегда считает нужным передать все стилистические особенности речи персонажа на эстонский язык. Иногда стиль переводится лишь частично. Например, когда Сусанна описывает одно из своих воспоминаний, в котором Ратч угрожает ей после того, как новый барин изменил свое отношение к ней:

Меня вам не *провести*, а *спесь* я вашу *сшибу*! [Тургенев 1981: 108].

Пер.: „Mind te alt ei vea ja teie *upsakuse taltsutan* ma ära!“ [Turgenev: 171].

Ратч использует здесь искаженное им устойчивое словосочетание «сбить спесь», которое означает «осадить кого-либо». Глагол «сшибать», которому в словаре Даля дается значение «сбить, столкнуть, свергнуть ударом», имеет в русском языке разговорный оттенок. Также в данном фрагменте встречается глагол «провести» в значении «надувать, обманывать», который тоже является частью разговорной русской речи. Кримм же, в свою очередь, использует глагол „alt vedama“, являющийся частью разговорного эстонского языка [Eesti õigekeelsussõnaraamat], и устойчивую коллокацию „upsakuse ära taltsutama“ («обуздать/приручить заносчивость»), которая точно передает смысл сказанного героем, но стилистически не соответствует выражению «спесь сшибу». Таким образом, можно сказать, что стилистические оттенки рассматриваемого фрагмента в переводе передается лишь частично.

Обратимся к отрывку из самого начала девятой главы, где рассказчик упрекает Фустова в том, что тот поставил его в неудобное положение перед Сусанной:

— Я сегодня *по твоей милости* был в весьма неловком положении, — говорил я в тот же вечер Фустову, возвращаясь с ним домой. — Ты мне сказал, что эта... как *бишь* ее? Сусанна — дочь господина Ратча, а она его падчерица [Тургенев 1981: 73].

Пер.: „Tänu sinule sattusin ma täna üsna piinlikku olukorda,“ ütlesin selsamal õhtul Fustovile, kui me temaga koju läksime. „Sa mainisid mulle, et see... kuidas ta nimi nüüd *oligi*? – Susanna – on härra Ratči tütar, aga ta on hoopis tema kasulaps.“ [Turgenev: 134].

Здесь следует обратить внимание на разговорно-ироничное словосочетание «по твоей милости», т.е. «из-за тебя», «по твоей вине». В этом фрагменте также встречается разговорная частица «бишь», которая трактуется в словаре Даля как «частица, вставляемая в речь вопросительно, припоминая забытое, или поправляясь, когда обмолвишься». Здесь Кримм, как мы видим, не передает стилистической характеристики выражения «по твоей милости». Отдельно выделить можно лишь форму глагола „olema“ – „oligi“, которой частица -gi придает разговорный оттенок.

Следует также упомянуть фрагмент из пятой главы, где рассказчик обсуждает манеру речи Ратча со своим приятелем Фустовым:

— Так *залихватски*, с такими *вывертами* и *закрутасами*, — вмешался я [Тургенев 1981: 67].

Пер.: „Nii *lai*, nõnda käänuline ja riukalik,“ pistsin vahele [Turgenev: 127].

Здесь герой использует несколько слов из русской разговорно-просторечной лексики: «залихватски» («лихо, бойко»), «выверты» («причудливо-неестественный оборот речи или поступок»). Также в тексте встречается лексема «закрутасы», являющаяся производной от глагола «закручивать» («начинать крутить», «завертывать, завивать»). Кримм передает стилистическую окраску фрагмента лишь частично тем, что вводит в эстонский текст повести прилагательное „lai“, одним из значений которого является „(kõne, laulu jms. kohta:) valjuhäälnene (ja vabalt voolav)“, помеченное в эстонском толковом словаре как просторечное [Eesti keele seletav sõnaraamat].

Обратимся теперь к фрагменту из письма Сусанны, где она задает своей матери вопрос о своем отце:

«Правда ли, правда ли, мама, — спросила я ее, — этот *бука пахучий* (так я звала Ивана Матвееча) мой папа?» Матушка испугалась чрезвычайно, зажала мне рот... [Тургенев 1981: 92].

Пер.: „Ema, on see tõsi, on see tõsi, et see *lõhnakoll*“, – nõnda nimetasin mina Ivan Matveitšit – „on minu isa?“ küsisin ma temalt. Ema ehmus üliväga ja surus mu suu kinni...“ [Turgenev: 153].

Обращаясь к своей матери с вопросом, Сусанна называет Ивана Матвееча «бука пахучий». Оба слова в русском языке имеют разговорный оттенок. По сведениям словаря Даля «бука» имеет в русском языке два значения: «мнимое пугало, коим разумные воспитатели страшат детей» и «человек неприступный, суровый, угрюмый». Вероятно, у Тургенева данная лексема используется именно во втором значении. Кримм здесь при переводе вводит имеющий пейоративный оттенок неологизм „lõhnakoll“, составленный из лексем „lõhna-“ («пахучий, ароматический») и „koll“ («бука, злой дух, бес») и являющийся точным переводом.

В некоторых случаях переводчица прибегает к нейтральному стилю. В качестве примера рассмотрим слова Ратча из начала восьмой главы, где он обращается к Фустову с предложением сыграть дуэтом:

— А что же *дуэтец*? — продолжал Иван Демьяныч. — Александр Давыдыч! а? благодетель! [Тургенев 1981: 70].

Пер.: „Kuidas siis oleks ühe *tillukese duetiga*?“ jätkas Ivan Demjanõtš. „Aleksandr Davõdõtš? noh! meie silmavalgus! [Turgenev: 131].

Здесь можно выделить уменьшительно-ласкательное «дуэтец», поскольку диминутивы обычно характерны для разговорной и экспрессивно-окрашенной речи. Кримм же переводит диминутив сочетанием „tilluke duett“, не имеющим экспрессивной окраски, но при этом передающим точное значение слова.

Рассмотрим отрывок из десятой главы, где рассказчик описывает первое появление Виктора Ратча в повести:

Новое лицо вошло в комнату. Оно оказалось тем самым сыном г. Ратча, Виктором, на отсутствие которого накануне *пенял* его отец [Тургенев 1980: 74].

Пер.: „Tuppa tuli keegi võõras. See osutus tollekssamaks härra Ratči pojaks Viktoriks, kelle puudumise üle isa eelmisel õhtul *oli kurtnud*.“ [Turgenev 1981: 135].

В рассматриваемом фрагменте герой употребляет глагол «пенять», который носит в русском языке разговорно-просторечный оттенок и имеет значение «корить, выговаривать, упрекать, изъявлять неудовольствие» по словарю Даля. При переводе на эстонский язык данного отрывка Кримм использует глагол „kurtma“, который имеет значение „oma hädast, murest, häiriva(te)st asjaolu(de)st kellelegi rääkima (et abi, lohutust leida), muretsedes rääkima, kaebama“ и является нейтральным словом [Eesti keele seletav sõnaraamat]. Стоит также отметить то, что глагол „kurtma“, который на русский переводится как «жаловаться, сетовать», имеет отличное от русского глагола «пенять» значение.

Следует обратить внимание также на короткий фрагмент из тринадцатой главы, где описывается спор Сусанны с отчимом после ее игры на фортепиано перед гостями:

Ветеран двенадцатого года *струхнул*; в этом нельзя было сомневаться [Тургенев 1981: 82].

Пер.: „Kaheteistkümnenda aasta veteran *lõi verest välja*, selles polnud kahtlust.“ [Тургенев 1980: 143].

Здесь рассказчик использует разговорно-просторечный глагол «струхнуть», имеющий значение «устрашиться, дать страху, робости, испугаться опасности и упасть духом». При переводе рассматриваемого отрывка Кримм вводит в текст эстонский фразеологизм „verest välja lööma“, который имеет два значения: „kedagi heidutama, araks tegema, hirmu täis ajama“ и „heituma, ehmuma, araks lööma“ [Fraseoloogiasõnaraamat]. Очевидно, что в данном случае подразумевается

именно второе значение, передающее смысл сказанного героем в исходном тексте, но не стилистический оттенок, свойственный исходному тексту.

Рассмотрим еще один короткий фрагмент из тетради Сусанны, где героиня описывает свой страх перед Ратчем после ее неудавшегося побега с Мишелем и приказа барина держать ее под замком:

Я знала, этот человек был в состоянии... *прибить* меня [Тургенев 1981: 115].

Пер.: „Ma teadsin, et see mees on valmis mind *seina külge naelutama*...“ [Turgenev: 178].

Здесь героиня использует стилистически сниженный глагол «прибить». Ситуации, описываемой в данном фрагменте повести, соответствуют значение «приколотить, побить, поколотить» из словаря Даля. Кримм переводит этот глагол на эстонский словосочетанием „seina külge naelutama“, которое переводится на русский именно как «пригвоздить». Вероятно, переводчица здесь подразумевает переносное значение рассматриваемого глагола, т.е. посадить героиню под замок и лишить возможности передвигаться. Таким образом, можно сказать, что Кримм передает читателю смысл действия, но не стилистическую окраску рассматриваемого фрагмента.

Обратимся к финальному фрагменту из девятой главы, в которой описывается первая встреча рассказчика и Фустова со старшим сыном Ратча:

Он только плечом пожал, как бы желал дать мне понять, что с такого *оболтуса* и спрашивать нечего [Тургенев 1980: 75].

Пер.: „Ta kehitas vaid õlga, otsekui tahaks mulle mõista anda, et niisuguse *kehkenpüksiga* pole mõtet õiendada.“ [Turgenev 1981: 136].

Здесь рассказчик использует слово «оболтус», относящееся к разговорно-просторечной лексике. В словаре Даля данной лексеме дается следующее значение: «повеса, невежа, шатун, лентяй, неотесанный, грубый и глупый». Для передачи смысла и пренебрежения со стороны героя Кримм использует существительное „kehkenpüks“, которое в эстонском языке имеет значение „kerglase olemisega, sageli ka ennast täis mees, kehkats, kehkadivei“, но не является соответствием слову «оболтус». Кроме того, „kehkenpüks“ относится к

нейтральной лексике и не передает стилистической окраски исходного текста [Eesti keele seletav sõnaraamat].

Стоит также рассмотреть фрагмент из шестнадцатой главы, в котором рассказчик описывает свое желание увидеться и поговорить с Сусанной после очередной встречи с Виктором:

Меня *подмывало* пойти к Ратчам; мне сдавалось, что в их доме я должен был найти разгадку всего, что меня занимало, что я понять не мог... [Тургенев 1981: 86].

Пер.: „Mul oli suur kiusatus minna Ratčile juurde: mulle näis, et nende majas leian ma kindlasti lahenduse kõigele, mis kõitis mu meeli ja mida ma kuidagi mõista ei suutnud...“ [Turgenev: 148].

Здесь следует обратить внимание на использование героем глагола «подмывать» в безличной форме, который имеет значение «тянет, влечет, хочется сделать что, берет нетерпенье» согласно словарю Даля и относится к разговорной лексике русского языка. Обращаясь к переводу Кримм, мы можем говорить о стилистически нейтральном переводе в данном случае. Иными словами, в эстонском варианте передается точный смысл текста, но не сохраняется разговорный оттенок рассматриваемого фрагмента.

В целом, как было показано в представленном в данном разделе анализе, не все стилистически окрашенные фрагменты передаются в переводе Кримм. Также, как и с передачей архаизмов, в работе переводчицы наблюдается тенденция к нейтрализации разговорно-просторечной лексики в речи более образованных героев – рассказчика и Сусанны. Однако, несмотря на это, переводчица все же сохраняет определенную часть разговорно-сниженной лексики, давая, таким образом, эстонскому читателю общее представление об особенностях речи данных героев.

3.2.4. Перевод иноязычных вкраплений

Отдельного рассмотрения заслуживают иноязычные вкрапления в повести, где неоднократно встречаются выражения на немецком и других языках. Иноязычные вкрапления у Тургенева обычно представлены либо на собственно иностранном языке – латиницей – либо в русской транскрипции.

В качестве примера рассмотрим фрагмент из шестой главы повести, где Ратч разговаривает со своей женой, впоследствии переходя на немецкий язык:

— Ну, ты, Сумбека-царица, успокойся! А где «благородный» Викторка? <...> *Das ist ein Bummeler, der Fiktor!* [Тургенев 1981: 69].

Пер.: „Kuule, Sumbeka-khaaniemand, rahune nüüd! Aga kus on meie „suurest soost“ Viktorka? <...> *Das ist ein Bummeler, der Victor!*“ [Turgenev: 129].

В данном случае, когда персонаж переходит на немецкий, Кримм следует примеру Тургенева: оставляет в тексте фразу в изначальном виде и приводит перевод предложения в подстрочном примечании “Viktor on igavene laaberdaja“. Тургенев переводит предложение так: «Ну и гуляка же этот Виктор!». Фразы на немецком у Кримм выделены курсивом, у Тургенева – нет.

У Тургенева имя Виктор написано так, как оно произносится на немецком (происходит оглушение согласной «в») – Fiktor. В эстонском тексте Кримм эту особенность не передает, хотя остальные слова из немецкой фразы остаются в тексте без изменений.

Необходимо отметить также то, что не все иноязычные вкрапления в переводе Кримм остаются неизменными. Написанные кириллицей и произносимые Ратчем польские слова «мосьпа́не, до зобачения» в четвертой главе Кримм переводит сразу на эстонский („armulised, nägudeni“, где „nägudeni“ это просторечный или разговорный вариант „nägemiseni“ – «до свидания»). У Тургенева в подстрочном примечании читателю представлен перевод «милостивые государи, до свидания! (польск.)», в то время как Кримм заменяет иноязычное вкрапление эстонским разговорным выражением и не дает читателю никаких сведений о том, что герой использовал в своей речи не только русский язык.

Отчасти сходный пример можно увидеть в девятнадцатой главе, в которой рассказчик передает тетрадь с воспоминаниями Сусанны Фустову:

Я тотчас удалился в противоположный угол комнаты и взял для *контенанса* книгу; но, признаюсь, всё время глядел украдкой через край переплета на Фустова [Тургенев 1981: 120].

Пер.: „Taandusin kohe toa teise nurka ja võtsin viisakuse mõttes raamatu kätte; kuid ausalt ütelda piilusin pidevalt üle kõite serva Fustovit.“ [Turgenev: 183].

Здесь рассказчик использует галлицизм «контенанс». В примечаниях в конце тома читаем: «<...> (от франц. *contenance* — осанка, поведение, выдержка) — для вида, для соблюдения внешней выдержки» [Лотман 1981: 464]. В переводе Кримм галлицизм не сохраняется, а сразу передается на эстонском как „*viisakus*“ («вежливость, приличие, учтивость»).

Интересным примером является фрагмент из финала восьмой главы, где Ратч, познакомив рассказчика со своей семьей, обращается к сыну:

— Колька, утри свой нос, *дикобраз*! [Тургенев 1981: 73].

Пер.: „*Kolka, vana põrsas, pühi oma nina puhtaks!*“ [Turgenev: 134].

Ратч называет своего сына «дикобраз». Использование подобного обращения, вероятно, связано с тем, что дикобраз по-немецки – это „*stachelschwein*“, что дословно переводится как «колючая свинья». Возможно, в сознании персонажа происходит актуализация немецкого слова, и мы можем говорить об имплицитном иноязычном вкраплении. Кримм переводит использованное Тургеневым обращение как „*vana põrsas*“ («старый поросенок»). Переводчица сразу использует привычное для эстонского читателя слово „*põrsas*“ в функции ругательства и как бы отчасти эксплицирует скрытое иноязычное вкрапление.

Обратимся к еще одному примеру из восьмой главы, где между героями идет разговор о дуэте Ратча с Фустовым:

— Насладим <...> честной компании! [Тургенев 1981: 70].

Пер.: „*Laskem auväärt seltskonna kõrvul naudiskella!*“ [Turgenev: 131].

Примечательно, что в исходном тексте иноязычные вкрапления отсутствуют, однако в переводе Кримм использовала глагол „*naudiskella*“, которое, вероятно, является неточным заимствованием из родственного эстонскому финского языка (в переводе с финского „*nautiskella*“ – «блаженствовать, наслаждаться»).

Ярким примером частого использования немецких вкраплений в речи Ратча, пожалуй, является еще один фрагмент, в котором можно увидеть, как герой, пребывая в

эмоциональном возбуждении и говоря о музыке, несколько раз переходит на немецкий язык:

— Я всех лучших виртуозов самолично слышал, — продолжал г. Ратч, внезапно нахмурившись, — и все они перед покойным Фильдом — тьфу! Нуль, зеро!! *Das war ein Kerl! Und ein so reines Spiel!* И композиции его — самые прекрасные! А все эти новые «тлу-ту-ту» да «тра-та-та», это, я полагаю, больше для школяров писано. *Da braucht man keine Delicatesse!* Хлопай по клавишам как попало... Не беда! Что-нибудь выйдет! *Janitscharen-Musik!* Пхе! [Тургенев 1981: 80].

„Ma olen oma kõrvaga kuulnud kõige suuremaid virtuoose,“ jätkas härra Ratč, nagu äkitselt pilves, „aga kadunud Fieldi kõrval on nad kõik – ptüi! Null! zéro! *Das war ein Kerl! Und ein so reines Spiel!* Ja tema helitööd on imeilusad! Aga kõik need uued tlu-tu-tuu'd ja tra-ta-taa'd, need on minu meelest rohkem koolipoistele kirjutatud. *Da braucht man keine Delicatesse!* Tao klahve, kuidas juhtub... Ja käib küll! Midagi ikka välja tuleb! *Janitscharen-Musik!* Puhh!“ [Turgenev: 141].

Здесь можно видеть, что герой переходит на немецкий язык целых три раза за краткий промежуток времени. Все фразы и у Тургенева, и у Кримм переводятся в подстрочных примечаниях. Перевод во всех случаях точный, за исключением второго предложения, которое в исходном тексте переведено как «Тут не нужно особых тонкостей! (нем.)», а у Кримм „Siin pole mingit peent mängu vaja! (Sks.k.)“. В эстонском варианте слово «тонкость» переведено словосочетанием „reep mäng“ («тонкая игра»), что является приемом конкретизации.

Иными словами, Кримм придерживается одного и того же принципа передачи иноязычного текста, когда в повести встречаются фразы или слова на иностранных языках, т.е. в большинстве случаев следует за автором оригинала.

3.2.5. Перевод устойчивых словосочетаний

Важную роль в прямой речи героев повести также играют русские фразеологизмы, зачастую искаженные или использованные неверно. Этот раздел лексики и его передача на эстонский язык стоят отдельного рассмотрения. В данной части главы мы будем пользоваться классификацией болгарских переводоведов С. Влахова и С. Флорина, представленной в главе «Фразеологические единицы» их монографии «Непереводимое в переводе».

Переводы фразеологизмов могут осуществляться как фразеологическим, так и нефразеологическим способом [Влахов, Флорин 1980: 183].

Отметим, что возможность подобрать полный фразеологический эквивалент в переводе существует не всегда, поскольку в таком случае устойчивые обороты должны совпадать во всем: от смыслового содержания до грамматической структуры, стилистической окраски и компонентного состава [Влахов, Флорин 1980: 184]. Гораздо проще подыскать относительный фразеологический эквивалент, который может иметь некоторые различия по сравнению с исходной конструкцией, или же фразеологический аналог, имеющий в другом языке иную образную структуру:

Относительный фразеологический эквивалент уступает абсолютному лишь в том, что отличается от исходной ФЕ по какому-либо из показателей: другие, часто синонимические компоненты, небольшие изменения формы, изменение синтаксического построения, иные морфологическая отнесенность, сочетаемость и т. п. В остальном он является полноценным соответствием переводимой ФЕ, «относительность» которого скрадывается контекстом [Влахов, Флорин 1980: 185].

Ср. также:

<...> мы будем также называть аналогами относительные эквиваленты с заменой образа [Влахов, Флорин 1980: 186].

Обратимся к фрагменту из первой главы, где рассказчик, Петр Гаврилович, упоминает о своих невыдающихся достижениях в учебе:

Занимался я, *что греха таить*, плохо, особенно в начале курса: много выезжал [Тургенев 1981: 62].

Пер.: „Õppisin halvasti, *mis seal pattu salata*, eriti kursuse algul: ma tegin sageli väljasõite.“ [Turgenev: 123].

Герой употребляет устойчивое русское выражение «что греха таить», которое обычно используется в значении «нужно признаться, незачем скрывать». Кримм при переводе также вводит в текст эстонское устойчивое словосочетание „*mis seal {pattu} salata*“, которому в словаре фразеологизмов дается следующее определение: „*tuleb tunnistada, peab tunnistama, tõele au andes*“ [Fraseoloogiasõnaraamat]. Согласно А. Рейцак, данный фразеологизм является полным соответствием использованному рассказчиком обороту в исходном тексте [Reitsak: 339]. Тем самым, можно сказать, что переводчица точно передает смысл устойчивого оборота эстонскому читателю, вводя в текст его

фразеологический эквивалент, а также сохраняет одну из особенностей речи рассказчика.

Рассмотрим отрывок из семнадцатой главы, где Сусанна описывает своего отца:

А придешь, увидишь эти большие унылые комнаты, эти пестрые штофные мебели, этого приветливого и бездушного старика <...>, *захватит* тебе *дыхание* этот душный запах амбры, и *сердце* так и *упадет* [Тургенев 1981: 94].

Пер.: Aga jõuad sinna, näed neid suuri kõledaid tube, seda kirju damastkattedega mööblit, seda lahkett ja hingetut vanahärrat <...>, ja see lämmatav ambrahõng *matab hinge* ning juba *langebki süda saapasäärde*. [Turgenev: 156].

Героиня употребляет здесь русское разговорно-экспрессивное выражение «сердце падает», которое обычно используется для передачи чувства страха, тревоги или уныния, и несколько видоизмененное устойчивое выражение «дух/дыхание захватывает», передающее состояние человека, при котором тяжело дышать (от избытка чувств, от волнения, от физических нагрузок или при каких-либо других обстоятельствах).

Кримм использует здесь фразеологический аналог – „hinge {kinni} matma“ („hingamist takistama hakkama“) и относительный эквивалент „süda langeb saapasäärde“ („keegi hakkab kartma, lööb araks, kellelgi kaob julgus“) [Fraseoloogiasõnaraamat]. Оба фразеологизма являются соответствиями используемых Сусанной в исходном тексте [Reitsak: 168, 504]. Первый фразеологизм, как и в исходном тексте, описывает затрудненное дыхание, а второй используется для описания сильного страха и фактически может быть причислен к относительным фразеологическим эквивалентам русского фразеологизма по классификации Влахова и Флорина [Влахов, Флорин 1980: 185], поскольку при сходном значении образная структура в двух оборотах совпадает не полностью.

Следует обратить внимание и на фрагмент из четвертой главы, где Ратч рассказывает о себе и говорит, что не знаком с Петром Гавриловичем:

— Никак нет-с, — тотчас загремел Иван Демьяныч, — ветеран двенадцатого года *чести сей не имеет!* [Тургенев 1981: 65].

Пер.: „Ei, mu härra,“ müristas Ivan Demjanõts sedamaid vastu, „seesugust *au* pole kaheteistkümnendama aasta veteranil *mitte olnud!*“ [Turgenev: 125].

Ратч использует устойчивое словосочетание «иметь честь», которое трактуется как «получить право на что-либо, удостоиться чего-либо» [ФСРЛЯ]. Кримм здесь использует схожее по смыслу эстонское выражение „*au olema*“ („*austav olema*“ [Frasedoologiasõnaraamat]), являющееся также относительным эквивалентом, для передачи речевой манеры героя эстонскому читателю.

Рассмотрим еще один короткий отрывок из воспоминаний Сусанны:

Эта последняя фраза меня *как ножом резанула по сердцу* [Тургенев 1981: 100].

Пер.: „See viimane ütlemine *lõikas* mulle *nagu noaga südamesse*.“ [Turgenev: 162].

Здесь Сусанна употребляет разговорно-экспрессивное устойчивое словосочетание «как (словно) ножом резануть (по сердцу)», которое используется для описания состояния человека, когда внезапно возникает острое чувство тревоги, боли или жалости. Кримм при переводе вводит выражение „*nagu (kui) noaga südamesse lõikama*“ („*kedagi järsku väga valusalt, solvavalt puudutama*“) для описания эмоционального состояния героини, а также передачи ее речевой особенности для эстонского читателя [Frasedoologiasõnaraamat]. В данном случае обе фразеологические единицы имеют грамматические отличия (в эстонском варианте мы видим форму «в сердце»), поэтому здесь можно говорить об относительном фразеологическом эквиваленте, вписывающемся в классификацию Влахова и Флорина [Влахов, Флорин 1980: 184].

Стоит также обратить внимание на относительный эквивалент фразеологизма в десятой главе, где рассказчик посещает Фустова на следующий день после их совместного визита к Ратчу:

Он принял меня ласково по обыкновению, но о вчерашнем посещении — ни слова! *Как воды в рот набрал* [Тургенев 1981: 74].

Пер.: „Ta võttis mind nagu ikka lahkesti vastu, kuid eilsest külaskäigust – mitte sõnakestki! *Nagu oleks tal suu vett täis*.“ [Turgenev: 135].

Здесь герой употребляет устойчивое сравнение с разговорным оттенком «как воды в рот набрал», которое обычно используется для описания человека, который упорно не

желает говорить. Для точности перевода словосочетания и сохранения особенности речи персонажа Кримм вводит схожий с русским эстонский фразеологизм „[kellelgi] on nagu (kui) suu vett täis“, имеющий значение „keegi vaikib, ei räägi, ei lausu sõnagi“ [Fraseoloogiasõnaraamat]. В данном случае мы также можем говорить об относительном эквиваленте, поскольку основным различием между рассматриваемыми фразеологическими единицами является используемый глагол (в русском варианте «набирать», в эстонском – „täis olema“).

В тексте повести также встречаются и другие фразеологические единицы, которые Кримм переводит на эстонский язык, подбирая соответствующий фразеологический аналог или создавая индивидуальный вариант перевода. В качестве примера обратимся к отрывку из истории жизни Сусанны, в котором героиня рассказывает о переменах в отношении к ней Ратча, после приезда Мишеля:

Когда же мой фавор прекратился, и Мишель не считал нужным более таить ни презрения к нему, ни участия ко мне, г. Ратч внезапно усугубил свою суровость; он постоянно следил за мною, точно я была способна на все преступления и меня следовало *держат в ежовых рукавицах* [Тургенев 1981: 108].

Пер.: „Kui aga soosing minust ära pöördus ja Michel ei pidanud vajalikuks varjata oma põlgust tema vastu ja poolehoidu minu suhtes, suurendas hr. Ratš järsult oma karmust: ta valvas mind pidevalt, otseselt oleksin ma võimeline kõikmõeldavateks kuritegudeks ja nagu tuleks mind *valitseda raudse käega*.“ [Turgenev: 171].

Сусанна употребляет экспрессивно-разговорный фразеологизм «держать в ежовых рукавицах», который имеет значение «строго, сурово обращаться с кем-либо». Кримм же здесь использует метафорическое словосочетание „raudse käega valitsema“ («править железной рукой») для точной передачи смысла, однако в переводе исчезает разговорность. Данная идиома приводится как одно из соответствий русскому фразеологизму, используемому в исходном тексте, в словаре фразеологических соответствий А. Рейцак [Reitsak: 148].

Рассмотрим также фрагмент из шестой главы, где Ратч обращается к своей жене с вопросом о сыне Викторе. Здесь переводчица использует фразеологический аналог (два устойчивых выражения со сходным значением имеют различную образную основу):

— А где «благородный» Викторка? Чай, всё шляется куда попало! Уж наскочит он на инспектора! *Задаст* он ему *трепание*! [Тургенев 1981: 69].

Пер.: „Aga kus on meie „suurest soost“ Viktorka? Muudkui laaberdab, kus juhtub! Ükskord *jookseb* ta veel inspektorile *sülle*! Küll ta siis *õpetust saab*!“ [Turgenev: 129].

Ратч искажает устойчивое словосочетание «задать трепку», которое имеет значение «наказать кого-либо». Герой допускает речевую ошибку и вместо слова «трепка» использует «трепание». Кримм вводит в текст два фразеологизма: „*sülle jooksmata*“ („ootamatult kellegi kätte, võimusesse, võimu alla sattuma“) и „*õpetust saada*“ („karistada saada“) [Fraseoloogiasõnaraamat]. Таким образом, «задать трепку» переводится аналогом – „*õpetust saada*“. Однако переводчица меняет смысл фразеологизма и не передает читателю речевую ошибку, допущенную Ратчем.

Обратимся теперь к фрагменту из двенадцатой главы, в которой рассказчик без приглашения приходит в гости к Ратчу и застаёт его и Сусанну за изучением счетов:

— Вот, сударь, — начал г. Ратч и ударил себя по ляжке, — в каких занятиях вы нас с Сусанной Ивановной застали: счетами занимаемся. Супруга моя в «арифметике» не сильна, а я, признаться, глаза свои берегу. Без очков не могу читать, что прикажете делать? Пускай же молодежь потрудится, ха-ха! Порядок требует. Впрочем, дело не к спеху... *Спешить, смешить, блох ловить*, ха-ха! [Тургенев 1981: 78].

Пер.: „Näete, aulik isand,“ alustas härra Ratč ja lõi endale vastu reit, „millelt te mind ja Susanna Ivanovnat tabasite: meie uurime arveid. Minu abikaasa ei ole „arifmetikas“ just tugev ja mina ise hoian ausalt ütelda oma silmi. Ilma prillideta ma lugeda ei näe, ja mida te sellisel juhul mulle soovitaksite? Nähku aga noored ka natuke vaeva, ha-ha! Kord peab majas olema! Aga ega selle tööga nii kiiret küll olegi... *Pea tehtud pilla-palla*, ha-ha!“ [Turgenev: 138].

Обратим внимание на перевод последнего предложения «спешить, смешить, блох ловить», которое, по-видимому, является объединением основных составляющих русских поговорок «поспешись – людей насмешись» и «поспешность нужна только блох ловить» в одно предложение. Вероятно, Ратч вводит эту конструкцию в свою речь, чтобы показать, что он настоящий русский, и, можно сказать, что выражение передает общий смысл подразумеваемых поговорок и подходит к сюжетной ситуации, однако все же оно может быть охарактеризовано как ошибочное употребление русского фразеологизма. Кримм в переводе использует эстонскую

народную пословицу „*pea tehtud pilla-palla, kaua tehtud kaunikene*“, которая говорит о том, что хорошая работа в спешке не делается. В целом, можно сказать, что здесь перевод посредством аналога является точным по смыслу, но не передает речевой ошибки Ратча. В данном случае также необходимо отметить, что образная основа поговорки, которую применяет Кримм, практически не совпадает с выражением в тургеневском тексте.

В двадцать второй главе повести, где рассказчик тщетно пытается убедить Фустова пойти к Ратчам после новостей о смерти Сусанны, мы также находим фразеологический аналог в переводе:

От этих людей всего ожидать следует... Это всё *на чистую воду вывести* следует [Тургенев 1981: 123].

Пер.: „Nende inimeste puhul peab kõigeiks valmis olema... See asi tuleb *päevavalgele tuua*.“ [Turgenev: 187].

Здесь герой употребляет свойственный разговорной русской речи фразеологизм «выводить/вывести на чистую воду», который означает «разоблачать, уличать кого-либо». Для сохранения особенности речи рассказчика, а также точного перевода значения его слов Кримм использует сходный фразеологизм „*päevavalgele tooma*“ в значении „*avalikkuse ette tooma, avalikuks tegema, kõigile teatavaks tegema*“ [Fraseoloogiasõnaraamat], который также является эстонским аналогом употребленного рассказчиком в тексте [Reitsak: 99].

Стоит упомянуть также фрагмент, относящийся к двадцать седьмой главе, где рассказчик описывает похороны Сусанны и последовавшие за ними поминки.

Что произошло дальше, я не знаю; я поскорей схватил фуражку, да и *давай бог ноги!* [Тургенев 1981: 135].

Пер.: „Ma ei tea, mis edasi sai; krabasin kähku mütsi ja *andsin jalgadele valu*.“ [Turgenev: 199].

Здесь герой употребляет разговорно-экспрессивное устойчивое выражение «дай бог ноги», которое используется для описания ситуации, когда кто-либо стремительно убегает, пускается наутек. Кримм вводит в текст фразеологизм „*jalgadele valu andma*“, имеющий в эстонском языке два значения „*kuhugi joostes, jooksupalu minema*“ и „*ära jooksmata, põgenema*“ – здесь, очевидно, подразумевается последнее, и тем самым сохраняется смысл выражения для эстонского читателя и передает особенность речи

рассказчика [Frasedoogiõnaraamat]. А. Рейцак в качестве аналога приводит фразеологизм, схожий с использованным Кримм, – „kandadele valu andma“, в котором вместо слова «ноги» используется существительное «пятки» [Reitsak: 135]. Этот пример мы также можем отнести к аналогам, поскольку здесь совпадет образ ног.

Стоит обратить внимание на еще один пример, относящийся к концу третьей главы, где рассказчик описывает то, как он видел Фустова и его жизнь:

В моих глазах Фустов был самым счастливым человеком на свете. Жизнь его текла именно *по маслу* [Тургенев 1981: 64].

Пер.: „Minu silmis oli Fustov kõige õnnelikum inimene maailmas. Ta *elu veeres nagu määritult*.“ [Turgenev: 124].

Здесь рассказчик использует в тексте усеченный вариант фразеологизма «как по маслу», т.е. «без затруднений, легко». Кримм же в вышеприведенном примере на эстонский язык переводит это устойчивое выражение иначе – она точно передает смысл высказывания фразой „*elu veereb nagu määritult*“ («жизнь течет гладко, беспрепятственно»). Вероятно, используемое здесь переводчицей словосочетание является несколько измененным эстонским фразеологизмом „*elu veereb nagu (kui) hernes*“, значение которого соответствует использованному в тексте русскому сочетанию – „*elu on muretu, hea*“ [Frasedoogiõnaraamat]. Поскольку здесь мы также можем видеть совпадение образов в используемых фразеологических единицах, этот пример тоже может быть отнесен к аналогам.

Рассмотрим теперь другой пример использования выражения «как по маслу», встречающийся в тетради Сусанны. В данном фрагменте Ратч упрекает свою падчерицу в нетерпеливости и глупости:

Подождать бы денька два, и всё бы *как по маслу* пошло; вы бы теперь не сидели на сухоедении, и я бы остался чем был! [Тургенев 1981: 117].

Пер.: „Oleks ta paar päevagi oodanud, *oleks kõik läinud nagu lepase reega*; ei istuks teie praegu vee ja leiva peal ja ka mina oleksin jäänud selleks, kes ma olin!“ [Turgenev: 180].

Здесь тоже используется разговорное устойчивое сравнение «как по маслу» в значении «без затруднений, легко». С целью точной передачи смысла и особенности речи

персонажа Кримм использует здесь аналогичный эстонский фразеологизм (т.е. фразеологический аналог) „läheb nagu (kui) lepase (lepse) reega“ („miski läheb ladusasti, tõrgeteta, häireteta, jõudsasti“) [Fraseoloogiasõnaraamat].

В отдельную группу стоит выделить фрагменты, в рамках которых переводчица использует прием фразеологического перевода по отношению к нефразеологическим единицам в оригинале. Например, в отрывке из семнадцатой главы Сусанна вспоминает, каких авторов она читала, будучи лектрисой Ивана Матвеевича Колотовского:

Я читала ему французские сочинения прошлого столетия, мемуары Сен-Симона, Мабли, Ренала, Гельвеция, переписку Вольтера, энциклопедистов, ничего, конечно, не понимая, даже тогда, когда он, *осклабясь* и зажмурясь, приказывал мне <...> [Тургенев 1981: 92].

Пер.: „Ma lugesin talle ette möödunud sajandi prantslaste teoseid, Saint-Simoni, Mably, Raynali ja Helvétiusse memuaare, Voltaire'i kirjavahetust, entsüklopediste, mõistmata ise loomulikult midagi ka siis, kui ta, *suu kõrvuni* ja silmad vidukil, käskis: <...>“ [Turgenev 1981: 154].

Кримм, переводя русский глагол «осклабиться», т.е. «широко улыбнуться, показав зубы», вводит в эстонский текст фразеологизм „suu kõrvuni“, который имеет значение „keegi naerab lahtise suuga laia naeru“ («смеяться с широко раскрытым ртом») [Fraseoloogiasõnaraamat], соответствующий используемому Сусанной глаголу, хотя в рассматриваемом фрагменте оригинала фразеологизмы отсутствуют.

Стоит также обратить внимание на схожий пример, встречающийся во фрагменте из четвертой главы, где Ратч в разговоре с рассказчиком и Фустовым, упоминает о том, что с целью экономии предпочитает пройти пешком на урок к своему следующему ученику:

— Всё равно: *пешкурой отмахая*, благо братец ваш скиксовал, ан пятиалтынный на извозчика цел, в мошне остался! Ха-ха! [Тургенев 1981: 66].

Пер.: „Aga ükskõik: *võtan jalad selga* ja pörutan sinna, kuna see teie vennas pettelöögi tegi, ja voorimehe viieteistkoppkane jääb alles, minu kukrusse! Ha-ha!“ [Turgenev: 127].

Здесь следует рассмотреть перевод словосочетания «отмахать пешком» с видоизменением первого компонента – «пешкурой отмахая». В данном случае Кримм вводит в текст эстонский фразеологизм „jalad selga võtma“ („minema, liikuma hakkama”

- «идти, направиться») [Fraseoloogiasõnaraamat]. Следовательно, можно сказать, что переводчице удастся передать смысл сказанного Ратчем, однако стилистическая окраска при этом не сохраняется.

Еще один пример находим в тетради Сусанны, где она пишет о слухах, ходивших о Ратче в поместье:

Уже накануне *дошли до меня* дурные *слухи* о моем вотчине: люди *толковали*, будто он был уличен в утайке значительной суммы, во взятке с купца [Тургенев 1981: 97].

Пер.: „Juba eelmisel päeval olid mu *kõrvu ulatunud* halvad kuuldused minu võõrasisast: rahvas *peksis keelt*, et teda olevat paljastatud mingi suurema summa omastamises, meelega võtmises kaupmehelt.“ [Turgenev: 159].

Здесь героиня употребляет устойчивую коллокацию «до меня дошли слухи» часто используемую в разговорах о сплетнях. Кримм вводит в текст эстонский фразеологизм „*kõrva (kõrvu) ulatuma*“ („kellegi käest kuulda või teada saada, teatavaks saada“), который в обратном переводе звучит как «достичь ушей» [Fraseoloogiasõnaraamat]. В данном случае мы можем говорить о переводе нефразеологического выражения фразеологизмом. Переводчица также использует еще одно устойчивое словосочетание с просторечным оттенком при переводе глагола «толковать» в значении «разговаривать, обсуждать» – „*keelt peksma*“ („kedagi taga rääkima, klatšima, tühje jutte rääkima“) [там же], который является аналогом русского фразеологизма «чесать языком», т.е. сплетничать, болтать попусту. Можно сказать, что Кримм передает и склонность Сусанны к употреблению просторечий, и частое использование устойчивых речевых оборотов, увеличивая их количество.

В воспоминаниях Сусанны находим фрагмент, где героиня пишет об обязанностях своего отчима при новом барине, унаследовавшем поместье после смерти ее отца:

В мануфактурном деле г. Ратч *не смыслил* ничего, и Семен Матвеич знал, что ничего не смыслит; но зато мой вотчим был «исполнитель» <...> [Тургенев 1981: 105].

Пер.: „Hr. Ratčil *ei olnud* manufaktuuriasjandusest *õrna aimugi* ja Semjon Matveitš teadis, et ei olnud, kuid mu võõrasisa oli hea „täideviija“ <...>.“ [Turgenev: 167].

Сусанна употребляет глагол «смыслить», которому в словаре Даля дается значение «разуметь, понимать, знать и уметь». Кримм же здесь вводит в текст эстонское

устойчивое выражение с разговорным оттенком „ei ole (pole) {õrna, sinist} aimugi“ („keegi ei tea millestki mitte midagi“), который в обратном переводе на русский звучит как «не иметь ни малейшего представления» [Fraseoloogiasõnaraamat].

Отдельно стоит обратить внимание на способы перевода фразеологизма «просто беда», встречающегося в тексте повести дважды – в усеченном и полном вариантах. На эстонский язык их Кримм передает путем подбора соответствующего аналога и нефразеологического перевода.

Рассмотрим пример из четвертой главы, где Ратч продолжает разговор с рассказчиком и говорит о своем характере:

— Что на уме, то и на языке; сердце, как говорится, *на ладошке*, <...>. Баба у меня — жена то есть, — простая тоже; наварит нам, напекет... *беда!* [Тургенев 1981: 66].

Пер.: „Mis südames, see ka keelel; üks otsekohene mees, nagu öeldakse; <...>. Minu eit, see tähendab naine, on samuti lihtne inimene, ta küpsetab ja kupatab meile nii *et... hoia alt!*?“ [Turgenev: 126].

Ратч переиначивает русское устойчивое сравнение «как на ладони», имеющее значение «очень ясно, открыто». Кримм же данную фразу переводит как „otsekohene mees“ («искренний, открытый человек»), передавая значение, но не используя фразеологизма. Однако в самом конце фрагмента переводчица вводит в текст фразеологизм „et hoia alt“ («берегись!») при переводе использованного Ратчем усеченного устойчивого сочетания «просто беда». Согласно эстонскому словарю фразеологизмов, устойчивое сочетание „{nii} et hoia (hoidke) alt“ в эстонском языке подчеркивает эффективность или интенсивность какого-либо действия („mingi omaduse või tegevuse tõhusust, intensiivsust rõhutav väljend“) [Fraseoloogiasõnaraamat]. Стоит также отметить, что рассматриваемый фразеологизм в русском языке используется для выражения неодобрения («выражение досады, недовольства чем-либо» [ФСРЛЯ]), хотя герой употребляет его при описании того, насколько его жена хорошая хозяйка.

Сходное употребление Ратчем устойчивого оборота «просто беда» встречается в тексте еще раз. Так, в шестой главе Ратч представляет свою жену Элеонору Карповну пришедшему к нему в гости рассказчику:

— То есть как она Россию любит, *просто беда!* — перебил Иван Демьяныч. — *Вроде землетрясения*, ха-ха! [Тургенев 1981: 69].

Пер.: „Mis äraseletatult on: ta armastab Venemaad nii väga; *päris häda kohe!*“ torkas Ivan Demjanõts vahele. „*Kas või tükid taga*, ha-ha!“ [Turgenev: 129].

Сравнение «вроде землетрясения» играет роль комической гиперболизации в тексте. Комизм также усиливается за счет использования Ратчем выражения «просто беда», которое носит негативный оттенок, когда Ратч говорит о любви, которая является чем-то положительным.

В переводе сравнение трансформируется в устойчивое словосочетание – Кримм перевела тургеневское «вроде землетрясения» фразой „kas või tükid taga“, которая является эстонским фразеологизмом со значением „iga hinna eest, tingimata, kindlasti“ («любой ценой, обязательно, непременно»). Стоит также отметить, что в эстонском языке есть похожий фразеологизм „nii et tükid taga“, который имеет значение «очень оживленно, интенсивно» [Fräseoloogiasõnaraamat]. Русское устойчивое выражение «просто беда» в рассматриваемом фрагменте переводится Кримм дословно.

Некоторые переводы фразеологизмов у Кримм следует считать приблизительными.

В двадцать седьмой главе, где действие происходит на поминках в трактире, Ратч говорит:

— ...Погрузила всё свое преданное семейство, — продолжал г. Ратч, бросив строгий взор в направлении любителя музыки, — погрузила всё свое семейство в ничем не заменимую печаль! Да! — воскликнул Иван Демьяныч, — справедливо гласит русская пословица: «*Судьба гнет не тужит, переломит...*» [Тургенев 1981: 135].

Пер.: „...Vajutas kogu oma ustava perekonna,“ jätkas härra Ratč, saates muusikasõbra poole range pilgu, „vajutas kogu perekonna korvamatul kurvastuse alla! Jah!“ hüüatas Ivan Demjanõts, „vene vanasõna ütleb õigesti, et *täna kuld, homme muld...*“ [Turgenev: 199].

В приведенном фрагменте Ратч вновь употребляет переименованную им русскую пословицу («гнет – не парит, переломит – не тужит»), в которой говорится о ком-то, кто совершает поступки, ни с кем не считаясь и никого не жалея, но допускает при этом ошибки – «судьба гнет не тужит, переломит». Кримм в переводе использует пословицу „täna kuld, homme muld“, общий смысл которой можно передать фразой

«смерть может настигнуть в любой момент» („surm võib tulla igal hetkel, ei teata ette, ei küsi luba“) [Vanasõnaraamat]. В данном случае сема судьбы, присутствующая у Тургенева, у Кримм заменяется семой неизбежности смерти. Свойственная Ратчу путаница в словах при употреблении пословиц на эстонский язык здесь не передается.

Следует упомянуть еще один фрагмент из тетради Сусанны, где она кратко пересказывает содержания письма Мишеля:

Мишель умолял меня *не падать духом*, надеяться, быть уверенною в его неизменной любви; он клялся, что, кроме меня, никому принадлежать не будет, он называл меня своей женой, он обещал устранить все препятствия, он рисовал картину нашего будущего, он просил меня об одном: потерпеть, подождать немного... [Тургенев 1981: 117].

Пер.: „Michel palus mind *hoida pea püsti*, loota ja olla kindel tema truu armastuse peale; ta vandus, et ei saa iial kellegi muu kui minu omaks, ta nimetas mind oma naiseks, ta tõotas kõrvaldada kõik takistused, ta maalits mulle ette meie tulevikupildi ja palus minult ainult üht: natuke kannatada ja oodata...“ [Turgenev: 181].

Героиня употребляет фразеологизм «падать духом», который используется в основном в тех ситуациях, когда кто-то утрачивает веру в свои силы, отчаивается или разочаровывается в чем-то. Кримм при переводе на эстонский вводит антонимичное словосочетание „*hoidma pea püsti*“ («держать голову высоко»). В эстонском словаре фразеологизмов приводится эстонский фразеологизм „*pea on püsti*“ („*keegi on uhke, julge, reibas*“), употребляющийся для описания гордого, смелого и жизнерадостного человека [Fraseoloogiasõnaraamat]. Таким образом переводчица точно передает смысл сказанного, прибегая к антонимичному переводу, и передает одну из особенностей речи Сусанны.

Однако необходимо отметить, что Кримм не всегда удается подобрать встречающимся в тексте повести фразеологическим единицам соответствующие аналоги. В таких случаях переводчица чаще всего прибегает к нефразеологическому переводу (т.е. к свободным словосочетаниям) для точной передачи смысла устойчивых словосочетаний, переводит их при помощи лексических, а не фразеологических средств языка перевода.

Нефразеологический перевод, как показывает само название, передает данную ФЕ при помощи лексических, а не фразеологических средств ПЯ. К нему прибегают обычно, лишь убедившись, что ни одним из фразеологических эквивалентов или аналогов воспользоваться нельзя. Такой перевод,

учитывая даже компенсационные возможности контекста, трудно назвать полноценным: всегда есть некоторые потери (образность, экспрессивность, коннотации, афористичность, оттенки значений), что и заставляет переводчиков обращаться к нему только в случае крайней необходимости [Влахов, Флорин 1980: 193].

В качестве примера следует рассмотреть использованную Ратчем русскую пословицу «волос долог, да ум короток», которая обычно используется для описания женской глупости:

То-то и есть: *длинен у баб волос... а ум короток!* [Тургенев 1981: 117].

Пер.: „Nii on lood: *naistel on pikad juuksed... aga lühike aru!*“ [Turgenev: 180].

Присутствующую здесь в тексте поговорку Кримм переводит почти дословно, не найдя ей эстонского аналога.

Обратимся к еще одному фрагменту из письма Сусанны, где героиня описывает одного из приближенных своего отца:

Впрочем, Иван Матвеич редко рассказывал о том времени; но раза два или три в год произносил, обращаясь к кривому старичку-эмигранту, которого *держал на хлебах* и называл, бог знает почему, «M. le Commandeur», — произносил своим неспешным носовым голосом экспромпт, некогда сказанный им на вечере у герцогини Полиньяк [Тургенев 1981: 93].

Пер.: Ivan Matveitš rääkis sellest ajajärgust üldiselt harva, aga kaks või kolm korda aastas esitas ta, pöördudes vana kõveriku emigrandi poole, keda *ta oma leival pidas* ja jumal teab miks M. le Commandeur'iks hüüdis, oma venival ninahäälel eksprompti, mille ta kunagi olevat esitanud hertsoginna Polignaci juures õhtusel koosviibimisel [Turgenev: 155].

Здесь используется устойчивое русское выражение с разговорным оттенком «держать/жить на хлебах», т.е. «на иждивении/содержании у кого-либо». В рассматриваемом примере Кримм вновь прибегает к дословному переводу фразеологизма – „*oma leival pidama*“ («держать на своем хлебе»), т.е. переводчица снова прибегает к нефразеологическому переводу, чтобы передать читателю наиболее точный смысл выражения.

Обратимся к фрагменту из двенадцатой главы:

— То-то, мой батюшка почтеннейший; вам самим известно, покойный государь Алексей Михайлович Романов говаривал: *«Делу время, а потехе минут!»* А мы самому делу одну минуту посвятим... ха-ха! Какие же это тринадцать рублей тридцать копеек? [Тургенев 1981: 78].

Пер.: „Eks ole, aulik noorsand, te teate ju isegi, mis kadunud valitseja Aleksei Mihhailovitš Romanov armastas ütelda: „*Tee tööd tüki aega, puhka pisut aega!*“ Aga meie pühendame just tööle ainult pisut aega... ha-ha! Mis kolmteist rubla ja kolmkümmend kopikat need siis olid?“ [Turgenev: 139].

В рассматриваемом отрывке следует обратить внимание на сделанную Ратчем ошибку в известной русской поговорке «делу – время, потехе – час». Герой использовал вместо этого слово «минута». Смысл высказывания от этого не меняется, однако ошибка в очередной раз показывает неидеальное владение героя русским языком. Кримм же здесь прибегает к нефразеологическому переводу и не использует поговорок, а только передает смысл оригинала выражением, которое в обратном переводе звучало бы как «делай работу долго, отдыхай немного». В то же время Кримм здесь моделирует речевую ошибку, используя „tüki aega“ вместо правильного „tükki aega“.

Следует также обратить внимание на фрагмент, в котором Сусанна вспоминает, как отец выдал ее мать замуж за Ратча:

Я никак не могла понять, как это возможно, я недоумевала, я чуть не заболела, моя голова изнемогала, *ум становился в тупик* [Тургенев 1981: 92].

Пер.: „Ma ei suutnud kuidagi aru saada, mismoodi see võimalik on, olin segaduses, pidin äärepealt haigeks jääma, mu pea oli nõder ja *mõistus ummikus* [Turgenev: 153].

Сусанна употребляет русский фразеологизм «становиться/стать в тупик», т.е. «прийти в крайнее затруднение, замешательство». Кримм здесь тоже прибегает к нефразеологическому переводу и переводит выражение дословно: „mõistus ummikus“ («разум – в тупике»), передавая смысл, но не используя каких-либо эстонских устойчивых выражений.

Подводя итог, в общем мы можем сказать, что при передаче на эстонский язык фразеологических единиц, присутствующих в тексте повести Тургенева, Кримм чаще всего подбирает соответствующие эстонские аналоги. В некоторых случаях, как было представлено непосредственно в анализе, переводчица вводит в текст, когда это возможно, относительные эквиваленты, однако таких примеров не так много. В более

трудных случаях, мы можем видеть лексико-фразеологический перевод устойчивых выражений с некоторыми изменениями в уже существующих эстонских фразеологизмах или же нефразеологический перевод, который компенсируется в других фрагментах текста (т.е. осуществляется фразеологический перевод нефразеологических единиц).

3.2.6. Цитаты из стихотворений П. А. Вяземского в переводе

Особый интерес для нас представляет перевод фрагмента, упоминавшегося ранее, где читатель получает дополнительные сведения об особенностях устной речи Ратча:

Г-н Ратч любил уснащать свою русскую речь; у него то и дело вырывались выражения, подобные тем, которыми испещрены все ультранародные стихотворения князя Вяземского: «дока для всего», вместо «на всё», «здесь нам не обиход», «глядит в угоду, не напоказ», и т. п. Помнится, однажды Иван Демьяныч, увлеченный своею любовью к бойким словам с энергическим окончанием, стал уверять меня, что у него в саду везде известняк, хворостняк и валежняк. [Тургенев 1981: 71].

Пер.: Härra Ratč armastas oma vene keelt ehtida: tema suust pudenes ühtelugu niisuguseid väljendeid, mis sarnanesid nendega, millest kirendasid vürst Vjazemski ultra-rahvalikud luuletused, umbes nagu „kujuta järele“ tavalise „kujuta ette“ asemel, „käivad kõrvistikku“, „südant ära kergitama“ jms. Ma mäletan, et ükskord püüdis Ivan Demjanõtš, haaratud oma meeldumusest uljastesse, energilise lõpuga sõnadesse, mulle seletada, et tema aias on rohkesti lubjakivindit, haorisundit ja lamapuidundit. [Turgenev: 131].

Здесь рассказчик, описывая речевую манеру Ратча, цитирует стихи князя Вяземского. В качестве примеров приводятся выражения «дока для всего» и «здесь тебе не обиход» из стихотворения П.А. Вяземского «Масленица на чужой стороне» (1853). Конечно, же, сам Тургенев на источник цитат не указывает.

Нет, красавица, не место
Здесь тебе не обиход,
Снег здесь — рыхленькое тесто,
Вял мороз и вял народ [Вяземский 1958: 298].

Немец, к мудрецам причислен,
Немец — дока для всего,
Немец так глубокомыслен,
Что провалишься в него [Вяземский 1958: 299].

Словосочетания «глядит в угоду, не напоказ» являются отсылками к стихотворению «Немецкая природа»: «Туристам записным в угоду, не напоказ глядит она» [Лотман 1981: 460].

Все эти словосочетания никак не связаны с теми, которые использует Кримм при переводе рассматриваемого фрагмента („kujuta järele“, „käivad kõrvistikku“, „südant ära kergitama“). Отметим, что переводчица моделирует речевую ошибку и использует сочетание „järele kujutama“ вместо „ette kujutama“ («представлять»), которое является литературной нормой для современного эстонского языка. Кримм также употребляет один из вариантов такого выражения как „käivad kõrvuti“ («ходят рядом»), однако при этом она вводит здесь диалектную форму слова „kõrvuti“ („kõrvistikku“) в качестве аналога «народной» речи Ратча [Väike murdesõnastik]. Здесь же Кримм использует видоизмененный фразеологизм с фольклорным оттенком „südant kergitama/kergendama“ («исповедаться, заглушить горе»), добавляя к глаголу частицу „ära“ [Fraseoloogiasõnaraamat].

Несмотря на то, что Кримм здесь не дает аналогов выражений, присутствующих в исходном тексте, она находит индивидуальное решение, которое помогает передать эстонскому читателю примерное представление о важных особенностях речи героя – склонность к архаизации речи и нарушениях литературной нормы.

3.3. Выводы

Исходя из рассмотренных нами примеров, можно заметить, что, в целом, Кримм тонко чувствует и достаточно точно передает эстонскому читателю просторечные и разговорные выражения, присутствующие в речи Ивана Демьяныча Ратча, Сусанны и рассказчика в своем переводе. Переводчица также не оставляет без внимания такие особенности речи как частое использование архаизмов и русских устойчивых выражений. Иноязычные вкрапления в эстонском тексте повести в основном остаются без изменений, но они поясняются, как и в исходном тексте, в подстрочных примечаниях. Однако в некоторых случаях Кримм предпочитает сразу перевести текст

на эстонский, не давая читателю понять, что в речи героев могут встречаться вкрапления не только из немецкого языка.

Примечательно, что для речи тургеневской Сусанны свойственны устойчивые обороты с эмоционально-экспрессивной окраской. Именно их экспрессивность является главным отличием от устойчивых выражений, употребляемых рассказчиком. Кримм чаще всего переводит фразеологические единицы эстонскими эквивалентами или аналогами. В случаях, когда соответствующий аналог в эстонском языке подобрать проблематично, переводчица обращается к дословному переводу, стараясь сохранить смысл высказывания.

Как было показано выше, устойчивые словосочетания в версии Ратча, довольно часто видоизменяются, а в переводе Кримм аналоги фразеологизмов в подавляющем большинстве передаются без искажений. Поэтому можно сказать, что эстонскому читателю не полностью передана данная особенность речи рассматриваемого героя.

В целом, следует отметить, что Кримм удается довольно точно передать характеры героев повести через перевод их речи на эстонский язык, хотя некоторые особенности речевой манеры тургеневских персонажей сохраняются в переводе лишь фрагментарно.

Заключение

Основной целью нашего бакалаврского сочинения было изучение эстонских переводов поздней прозы И.С. Тургенева, выполненных Вирве Кримм, а также описание способов перевода (конкретизация, генерализация, антонимический перевод и др.), к которым она обращалась в процессе работы. Для достижения намеченной цели, нами были поставлены следующие задачи: изучение тургеноведческой литературы и истории перевода произведений И.С. Тургенева на эстонский язык, изучение биографии переводчицы Вирве Кримм, анализ четырех стихотворений в прозе на эстонский язык, а также изучение речевых характеристик некоторых героев повести «Несчастная» с последующим анализом их перевода на эстонский язык.

В настоящей работе нами были рассмотрены переводы четырех стихотворений в прозе – «Воробей», «Щи», «Сфинкс», «Русский язык», а также эстонский текст повести «Несчастная», опубликованные в 1980 году.

В ходе анализа нам удалось сделать вывод, что Кримм достаточно точно удается передать лексико-семантический уровень текста-источника, его стилистическое своеобразие и эмоциональную окраску рассмотренных нами стихотворений в прозе. Несмотря на это, переводчице конкретизирует некоторые образы (например, образ воробья в стихотворении «Воробей», образ крестьянки в стихотворении «Щи»). В то же время, нами были отмечены и некоторые другие несоответствия с оригинальными текстами. В качестве наиболее яркого примера мы привели перевод русской реалии «мурмолка» обобщающим образом („rummikmüts“), в связи с чем пропадает важный для Тургенева полемический подтекст, обращенный к славянофилам. Мы выяснили, что изменения, произведенные Кримм в переводе, в частности, нейтрализация русских реалий, связаны в основном с ее целенаправленной стратегией считать доминантой перевода язык целевого текста и доступность исходного текста эстонскому читателю.

В третьей главе нами были проанализированы некоторые стилистические особенности речи персонажей повести, а также то, как они были переданы на эстонский язык в переводе Вирве Кримм. Как мы показали вслед за С.Е. Шаталовым, речь героев в прозе Тургенева всегда играет важную роль в раскрытии их психологии.

В ходе проведенного исследования нами было отмечено, что переводчице удастся вполне успешно раскрыть характеры героев, несмотря на то, что некоторые из рассмотренных особенностей их речевой манеры были переданы фрагментарно или, другими словами, точечно. Нами также была отмечена тенденция к нейтрализации речи более образованных героев (Сусанны и рассказчика), поскольку архаизмы и просторечно-разговорная лексика в их речи часто не передаются.

Можно сказать, что все задачи, поставленные нами в начале работы, были выполнены, а цель – достигнута. Выдвинутая ранее гипотеза о том, что в переводе Кримм речевые особенности героев передаются не полностью, но при этом ей удастся достаточно полно охарактеризовать внутренний мир персонажей в переводе на эстонский язык, подтвердилась.

В заключение хотелось бы добавить, что для более полного представления о переводах позднего Тургенева на эстонский язык, необходимы дальнейшие исследования с привлечением для анализа всех тургеневских произведений в переводе Кримм, также трудов других переводчиков.

Список использованной литературы

I

Источники

1. Вяземский 1958: *Вяземский П.А.* Стихотворения. Л., 1958.
2. Тургенев 1981: *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1982. Т. 8.
3. Тургенев 1982: *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1982. Т. 10.
4. Тургенев 1987а: *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1987. Т. 2.
5. Тургенев 1987б: *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. М., 1987. Т. 3.
6. Тургенев 1987в: *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1987. Т. 4.
7. Тургенев 1989: *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1989. Т. 6.
8. Тургенев 1994: *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. М., 1994. Т. 10.
9. Turgenev: *Turgenev, I.* Jutustusi. Proosaluulet. Tallinn, 1980.

II

Исследования

10. Влахов, Флорин 1980: *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М., 1980.
11. Кошкарева 2010: *Кошкарева А.М.* Очерки сибирской словесности. Нижневартовск, 2010.
12. Левый 1974: *Левый И.* Искусство перевода. М., 1974.
13. Сёке Д. Структура стихотворений в прозе И. С. Тургенева // И. С. Тургенев: Жизнь, творчество, традиции. Будапешт, 1994. С. 179-183
14. Силади Ж. Анаграмматическая структура стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы...» // И. С. Тургенев: Жизнь, творчество, традиции. Будапешт, 1994. С. 183-190.
15. Советская Эстония 1968: *С. Исаков.* Поэтический дар, восхитивший мир // Советская Эстония. 1968. № 264. С. 2.

16. *Torop P.* Тотальный перевод. Тарту, 1995.
17. Успенский 1995: *Успенский Б.А.* Поэтика композиции // Семиотика искусства. М., 1995. С. 9-218.
18. Фомина 2014: *Фомина Е.* Национальная характерология в прозе И.С. Тургенева. Тарту, 2014.
19. *Чудаков А.* Тургенев: повествование – предметный мир – герой – сюжет // Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого. М., 1992. С. 70-93.
20. Шаталов 1969: *Шаталов С.Е.* Проблемы поэтики И. С. Тургенева. М., 1969.
21. *Шаталов С.Е.* Поэтика художественной прозы И. С. Тургенева. М., 1970.
22. Шаталов 1979: *Шаталов С.Е.* Художественный мир И.С. Тургенева. М., 1979.
23. Lange: *Lange A.* Tõlkimine omas ajas. Tallinn, 2015.
24. Looming 1957: *Adams, Valmar.* Turgenev eesti keeles // Looming. 1957. № 6. Lk. 925-929.
25. Looming 2017: *Eesti Kirjanike Liidu tõlkijate sektsioon.* Virve Krimm 14. I 1938—5. III 2017 // Looming. № 4. 2017. Lk. 621-622.
26. Pild: *Pild, L.* Jutustajateksti muutlikkus Dostojevski romaani „Vennad Karamazovid“ eestikeelsetes tõlgetes // В печати.
27. Postimees 1901: *Põdder, Maximilian.* 1901. „Kui ma alles põllumees olin“. – Postimees, 3 okt. // <https://dea.digar.ee/cgi-bin/dea?a=d&d=postimeesew19011003.2.3>.
28. Postimees 2015: *Sibrits, Heili.* 2015. „Ilmunud on Dostojevski „Vennad Karamazovid“ uus tõlge“ // Postimees, 20 nov. // <https://kultuur.postimees.ee/3406625/ilmunud-on-dostojevski-vennad-karamazovid-uus-tolge>.
29. Sirp ja Vasar: *Muuli, K.* Sirge seljaga naine // Sirp ja Vasar. № 3. 1988. Lk. 8.
30. Torop: *Torop, P.* Tõlkeloo koostamine printsiibid // Kultuurimärgid. Tartu, 1999. Lk. 42-65.

III

Словари

31. Исторический словарь галлицизмов русского языка: *Епишкин Н.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. <http://rus-yaz.niv.ru/doc/gallism-dictionary/index.htm> (19.05.2020).
32. Словарь Даля: *Даль В.* Толковый словарь живаго великорусского языка. <http://slovardalja.net> (13.05.2020).
33. ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка. <https://phraseology.academic.ru> (19.05.2020).
34. Reitsak: *Reitsak A.* Valimik vene fraseologisme eesti vastetega. Tallinn, 1975.
35. Eesti keele seletav sõnaraamat: Eesti keele seletav sõnaraamat 2009. <https://www.eki.ee/dict/ekss/> (13.05.2020).
36. Eesti kirjanike leksikon: *Lias P.* Krimm, Virve // Eesti kirjanike leksikon. Tallinn, 2000. Lk. 225.
37. Eesti-vene sõnaraamat: Eesti-vene sõnaraamat. <http://www.eki.ee/dict/evs/> (13.05.2020).
38. Eesti õigekeelsussõnaraamat: Eesti õigekeelsussõnaraamat ÕS 2018. <http://www.eki.ee/dict/qs/> (13.05.2020).
39. Fraseoloogiasõnaraamat: Fraseoloogiasõnaraamat. <http://www.eki.ee/dict/frs/> (13.05.2020).
40. Vanasõnaraamat: Vanasõnaraamat. <http://www.folklore.ee/cgi-bin/vanas1?item=top> (13.05.2020).
41. Väike murdesõnastik: Väike murdesõnastik. <http://www.eki.ee/dict/vms/> (13.05.2020).

Turgenevi hilisem proosa Virve Krimmi tõlgetes

Kokkuvõte

Käesoleva töö eesmärgiks on Ivan Turgenevi mõningate hilisemate proosateoste analüüs kõrvutavalt Virve Krimmi eestikeelsete tõlgetega ning tõlkeviiside kirjeldus. Töös vaadeldakse Turgenevi luuletusi proosas („Varblane“, „Leem“, „Sfinks“, „Vene keel“) ning jutustust „Õnnetu hing“ (1869). Uurimuse alguses oli püstitatud järgmine hüpotees: tegelaste ning jutustaja kõne eripära ei ole tõlgetes edasi antud täielikult, kuid vaatamata sellele õnnestub V. Krimmil taasluua tegelaste sisemaailma süvapsühholoogilised omadused. Töö metodoloogiliseks aluseks on P. Toropi ja A. Lange tõlketeoreetilised ning tõlkeloolised uurimused.

Töö põhiosa koosneb kolmest peatükist. Esimeses peatükis „Turgenevi tõlked eesti keelde“ kirjeldatakse ülevaateliselt kirjaniku teoste eestindusi 19. saj lõpul – 20. saj esimeses pooles. Eraldi osa esimeses peatükis on pühendatud Virve Krimmi ilukirjandustõlgetele vene keelest, mis saanud professionaalide poolt erakordselt kõrge hinnangu, eriti tema viimane töö – Dostojevski romaani „Vennad Karamazovid“ eestindus (2015-2016). Teises peatükis analüüsitakse Turgenevi proosaluuletuste tõlkeid ning järeldatakse, et tõlkeviisidest kasutab Krimm kõige sagedamini kujundite konkretiseerimist. Kolmandas peatükis on vaatluse objektiks jutustuse „Õnnetu hing“ tegelaste kõne, analüüsitakse nn spetsiifilise sõnavara eestindust – arhaismide, kõnekeelsete väljendite, fraseoloogiaüksuste, edasiandmist tõlkes. Vaatluse all on ka tegelaste grammatilistest ja leksikaalsetest normidest kõrvalekaldumine ning võõrkeelsed fraasid lähtetekstis. Tullakse järeldusele, et Krimm on üsna täpne nii originaali sisu- kui ka väljendusplaani edasi andes, ent püüab vähendada stiili kirevust nendes teose fragmentides, kus tegelased eemalduvad oma kõnes neutraalsest stiilist ning kasutavad kõne-ja argikeelseid väljendeid, vananenud sõnu või hoopis eksivad grammatiliste normide vastu.

Töös järeldatakse, et leksikaal-semantiline täpsus originaalteksti suhtes Krimmi tõlgetes ühildub ka teise eesmärgi ehk tõlkeDominandi valikuga, selleks on tõlketeksti väljendusplan. Selline tõlkestrateegia seostub paljuski 20. saj teise poole ideoloogilise

kontekstiga, kui eesti tõlkijad soovisid nõukogude võimu oludes eeskätt säilitada eesti keelt, kui eesti kultuuri tähtsamat vara ja vaimse iseseisvuse ilmingut.

Autori kinnitus

Olen lõputöö kirjutanud iseseisvalt. Kõigile töös kasutatud teiste autorite töödele, põhimõtteliste seisukohtadele ning muudest allikaist pärinevatele andmetele on viidatud.

Autor: Nimi Perekonnanimi

Anastassia Jermolajeva

(allkiri)

.....

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina,

Anastassia Jermolajeva,

(autori nimi)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) minu loodud teose

«Проза позднего Тургенева в переводах Вирве Кримм» / „Turgenevi hilisem proosa Virve Krimmi tõlgetes“,

(lõputöö pealkiri)

mille juhendaja on

Lea Pild,

(juhendaja nimi)

reprodutseerimiseks eesmärgiga seda säilitada, sealhulgas lisada digitaalarhiivi DSpace kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.

2. Annan Tartu Ülikoolile loa teha punktis 1 nimetatud teos üldsusele kättesaadavaks Tartu Ülikooli veebikeskkonna, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace kaudu Creative Commons litsentsiga CC BY NC ND 3.0, mis lubab autorile viidates teost reprodutseerida, levitada ja üldsusele suunata ning keelab luua tuletatud teost ja kasutada teost ärieesmärgil, kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.
3. Olen teadlik, et punktides 1 ja 2 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.
4. Kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei riku ma teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse õigusaktidest tulenevaid õigusi.

Anastassia Jermolajeva

28.05.2020